

НАШИ • ТАМ

ПЕРЕСВЕТ

НИКОЛАЙ ЭДЕЛЬМАН
ЗВЕЗДНЫЙ
ЧАС

Наши там (Центрполиграф)

Николай Эдельман

Звездный час

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Эдельман Н. В.

Звездный час / Н. В. Эдельман — «Центрполиграф»,
2020 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09025-6

Июнь 1941 года. Крым, параллельная реальность. Президент Врангель, сверхбомба, шпионы, заговорщики-монархисты, немецкие десантники... И в самом центре этого клубка – киноактриса Лиза Тургенева. Еще утром, отправляясь на пляж, она не подозревала, какие испытания ее ожидают, а сейчас от ее решений зависят судьбы страны и мира. Станут ли эти события ее звездным часом? Или ей суждены позор и гибель?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09025-6

© Эдельман Н. В., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Николай Эдельман

Звездный час

Глава 1

Ночью был дождь, но к утру тучи рассеялись. Часть их уползла за горы, а другая отступила к горизонту и повисла там кисельной полосой тумана, размывая рубеж между водой и твердью, в этот ранний час не вполне отделившимися друг от друга. Небосвод радовал взгляд свежей голубизной, незапятнанной, как в первый день творения, и лишь за одну из вершин Ай-Петри ватным комом уцепилось последнее облако. Сама же горная гряда, своими очертаниями, как сказал бы любой экскурсовод, похожая на стену замка, словно не совсем обрела плоть после ночного небытия, отчего казалась полупрозрачной и обреченной растаять вслед за тучами.

Солнце едва поднялось над морем, но, даже скрытое за туманом, источало такой жар, что следы ночного дождя – лужицы на лестнице, ведущей от парка к морю, – на глазах превращались в темные пятна, а затем и вовсе исчезали. Влага задерживалась лишь по краям лестницы, в тени жестколистных самшитовых кустов, распространявших терпкий аптечный аромат. Где-то за этими зелеными шпалерами зычно гудели неугомонные горлицы, ведя громкий, но совершенно непонятный людям разговор.

По лестнице быстрым шагом спускалась молодая женщина, звонко шлепая по лужицам туфлями на низком каблуке. Ноги проворно несли ее вниз по ступенькам, короткий подол светлого платья взлетал, обнажая гладкие колени с пересекавшим одно из них росчерком свежей царапины, а над плечами танцевали тяжелые локоны светлых волос, роскошный дар щедрой природы, испортить который было не под силу даже модной завивке.

Судя по лицу молодой особы – слегка округлому, с упрямым подбородком и чуть вздернутым носиком, – она была идеальной представительницей средневропейского типа. Жители Москвы и Петербурга не колеблясь признали бы в ней соотечественницу, а в Третьем рейхе она с легкостью сошла бы за белокурую фрау арийских кровей, хотя тонкость ее фигуры не слишком отвечала эталону красоты двух этих стран, где в дамах ценят известную пухлость форм. Скорее ее можно было принять за коренную жительницу Британии или Северо-Американских Штатов; однако, будучи уроженкой Тверской губернии, она звалась Лизой Тургеневой и не первый год блистала в российском синемагографе – ныне же вернулась на родину из Голливуда, где снималась у знаменитого маэстро Тичкока.

Ее дядя, нобелевский лауреат Аркадий Аристархович Кудрявцев, уже давно поселился с супругой Клавдией Петровной в Симеизе, неподалеку от которого, в местечке Кацивели, ему построили лабораторию для каких-то таинственных опытов. Здесь же находился в отпуске и Борис – родной брат Лизы, конструктор на московском заводе АМО. Осиротев в смутные годы революции, Лиза и Боба воспитывались у тети с дядей, заменивших им родителей. Отправленное племяннице приглашение навестить родных было составлено Клавдией Петровной едва ли не в ультимативных выражениях, но Лизе не пришлось бы в голову ослушаться. Ничуть не тяготясь теткиной тиранией, она, пожалуй, почувствовала бы себя обделенной, если бы вдруг ее лишилась.

Тем не менее, доставляя себе удовольствие, а Клавдии Петровне – разнообразие, Лиза частенько устраивала бунты: и крупные, когда вопреки теткиной воле избрала карьеру манекенщицы, а затем актрисы, и мелкие, вроде нынешнего, когда еще до завтрака, улизнув из дома, сбежала к морю.

Возвращение в Россию выдалось утомительным. Из-за чужой войны, уже второй год сотрясавшей Европу, Лиза предпочла лететь на гидроплане «Добровольного флота» из Сан-Франциско в Петропавловск, оттуда на Иркутск, Новониколаевск, Екатеринбург над бесконечными сибирскими просторами, а затем новым рейсом – из Москвы в Крым. На симферопольском аэродроме Лиза выбралась из самолета, раскисшая от болтанок, шmeliного гула моторов и назойливого внимания спутников по перелету. Это было позавчера, но Лиза еще не до конца пришла в себя после дороги и не желала упускать случая лишний раз освежиться в морской воде, не подвергаясь атакам охотников за автографами, которых курортная свобода отношений делала особенно бесцеремонными.

Выйдя к пирсу, разрезавшему бухту на две неравные части, Лиза спустилась не на правый, благоустроенный пляж с мелкой галькой, кабинками и навесами, а на левый, по контрасту со своим соседом почитавшийся диким. Эта была зажатая между морем и отвесной стенкой набережной узкая полоса, сплошь заваленная мелкими и крупными глыбами, на которых не так-то просто было устроиться: как ни ляжешь, какой-нибудь камень непременно вопьется под ребра. Выбрав глубоко ушедший в землю валун с плоской вершиной, Лиза поставила на него туфли. Затем она сбросила с головы соломенную шляпку и сняла темные очки, за которыми скрывались ее голубые глаза под бархатными бровями. Наконец расстегнув ремешок, перепоясывавший платье, она избавилась и от самого платья.

Теперь на ней остался лишь весьма смелый купальный костюм, явно выходивший за рамки приличий, которые установил ялтинский градоначальник Дурново, издав рескрипт с четким перечислением фасонов, допустимых к ношению на пляже. Купальник, который выбрала для себя Лиза, состоял лишь из лифчика и трусиков, которые могли бы сойти за шортики, и открывал на обозрение ее живот и всю спину. Подобный наряд, пожалуй, отважилась бы надеть только какая-нибудь из тех богемных дамочек, которые отдавали предпочтение самым дальним уголкам ялтинских пляжей, да и тем он был бы ни к чему: эти эмансипированные обходились без купальников, давая заработок мальчишкам, которые за полтинник ссужали любознательным господам бинокли и сами подсказывали удобные для наблюдения места.

Впрочем, как знать – быть может, и сам суровый Дурново, увидев стройную фигуру Лизы в этом легчайшем костюме, давно никого не удивлявшем на пляжах Калифорнии, смягчился бы и ввел послабления для хорошеньких девиц, но сейчас видеть Лизу не мог никто, кроме чаек, оглашавших морские просторы тоскливыми криками. Ранним июньским утром, в самом начале сезона, на набережной не было ни души. И потому, нисколько не тревожась за судьбу своих вещей, Лиза лишь придавила камнем брошенное на валун платье и спустилась к воде.

Каким бы спокойным ни было море, на берег накатывал мелкий прибой. Пенистая кромка с еле слышным шипением обтекала те камни, что покрупнее, длинными живыми щупальцами проникая в углубления между ними, а те, что помельче, омывала целиком, своим прикосновением на миг придавая им почти алмазный блеск, и тут же отходила. Едва Лиза ступила на мокрую гальку, волна облизнула ее босые ступни, заставив поморщиться – все же вода была прохладна. Однако Лиза, собравшись с духом, заходила все глубже, вглядываясь в слой жидкого стекла, настолько чистого и прозрачного, что лежавшие под ним камни приобретали особенную четкость, хотя дрожащая, бликующая поверхность непрерывно искажала их очертания, приближала, обманывая взгляд, и Лизе требовалось все внимание, чтобы не удариться и не поскользнуться на покрывавшей камни слизи. Море, ластая к купальнице, подбиралось к ее коленям, и Лиза вздрагивала всякий раз, как вода касалась еще сухих участков ее кожи,

но не останавливалась, пока ее ноги совсем не скрылись в воде, и лишь тогда, наконец решившись, рухнула в объятия волн, в момент погружения не сдержав восторженного взвизга.

Фыркая и отплеываясь, она вынырнула из тучи брызг и принялась энергично грести руками и ногами, а слегка разогревшись, отдышалась и перешла на неторопливый брасс, держа курс чуть наискось от протянувшейся к ней солнечной дорожки – ленты расплавленного металла, разбрасывавшей ослепительные искры.

Отплыв на сотню саженей, Лиза перевернулась на спину. Ее глазам предстала вся панорама Симеиза, от выпятившей горбатую спину остроухой горы Кошки до пологих, уходящих в море мысов в направлении Алупки и более далеких курортных поселков – Кореиза, Гаспры, Мисхора. Под лучами солнца, встававшего над полосой таявшего тумана, Лиза нежилась в этой гигантской ванне с морскими солями, возможно находившейся в ее полном распоряжении, если только где-нибудь в Одессе или Батуме какого-то другого бесшабашного купальщика тоже не посетила идея ненадолго установить монополию на всю черноморскую воду.

Пусть вода поначалу казалась холодной, но после того, как тело привыкло к ней, вылезать на берег уже не хотелось. Спиной Лиза ощущала толщу стихии, подпиравшую ее, не давая идти на дно, и к чувству блаженства примешивалась капля гордости, будто ей впрямь удалось укротить необузданную силу, которая, разбушевавшись, с легкостью глотает огромные стальные коробки, а вот ее смирно держит на своей необъятной ладони. Повернувшись к горизонту так, чтобы не видеть берега, Лиза воображала, что вокруг только море, а сверху – хрустальный колпак неба и весь мир принадлежит ей одной. И когда она вполне насытилась этой фантазией вкупе с просоленным воздухом, в ее сознание проникла толика сладковатой жути: в мире не найти одиночества полнее того, какое она ощущала в тот момент.

Так Лиза покачивалась на волнах, когда некий невидимый гигант, словно бы решив испробовать на прочность мироздание, легонько встряхнул пространство за самый его уголок. Звук сперва пришел по воде, отозвавшись в Лизином теле глухим содроганием, а затем из-за свинцовой кромки над горизонтом, в которую превратились остатки утреннего тумана, донеслись неясные раскаты, похожие на дальний гром.

Это не могло быть землетрясением, и все же Лиза бросила тревожный взгляд в сторону берега. Там царило полное спокойствие. И прибрежные скалы, и белые постройки, полускрытые за кипарисами, и грандиозный задник голубой ай-петринской стены – все было таким же, как минутой ранее. Пока глаза Лизы пытались отыскать следы разрушений, ее потрянуло снова, и с чуть заметным запозданием с юга вновь прилетел гром. Третьего раската Лиза не стала дожидаться. Она поспешила к берегу, инстинктивно держа курс на островерхую виллу почти в самой середине поселка, покинутую ею около часа назад.

Она плыла до тех пор, пока не почувствовала камни под самыми коленями, и только тогда встала на ноги, но море определенно не желало ее отпускать: выходя на берег со всей возможной осторожностью, Лиза все равно оступилась, упала в воду и погрузилась в нее почти по плечи. Лишь со второй попытки ей удалось выбраться на сушу, и она повертела головой, отыскивая свой камень с одеждой.

Камень был здесь – в десяти шагах от нее, тот самый, неправильных очертаний, с неровной, чуть вогнутой поверхностью, но сейчас ни на нем, ни рядом с ним не лежало ничего – ни платья, ни туфель, ни темных очков.

В глазах Лизы промелькнуло недоумение, словно она засомневалась, что выплыла на свой пляж. Затем она уже с беспокойством оглянулась по сторонам, ища того, кто разъяснил бы ей эту оказию. Из растерянности ее вывел голос, раздавшийся из-за нагромождения валунов под самой стенкой набережной:

– Как водичка, госпожа Тургенева?

Лиза вскинула голову. Над камнем поднялось одутловатое лицо господина не первой свежести с щеточкой черных усиков и прилипшей ко лбу прядью редких волос, заставлявшей

вспомнить германского фюрера, чьи портреты встречались в каждой второй газете. Не сказать, чтобы все это, вместе взятое, производило приятное впечатление, и все же Лиза воскликнула, просияв улыбкой облегчения:

– Жорж, негодник, это вы?! Никак тоже решили искупаться? А ну-ка, подайте мне полотенце!

Господин, названный ею Жоржем, маслянисто улыбнулся и встал во весь рост, отряхивая полу пиджака, к которому прилагался шелковый галстук павлиньей расцветки. Лиза поняла, что ошиблась на его счет: Жорж в воду явно не собирался.

– Лиза, вы восхитительны! – заявил он, не трогаясь с места. – Выходите из моря на солнце, как пенорожденная Киприда!..

Их знакомство восходило к тем временам, когда Лиза снималась в своей первой картине, у Протазанова, где у Жоржа, не новичка в кино, тоже была небольшая роль. Довольно быстро Лиза избавилась от его прилипчивых ухаживаний, после чего их пути разошлись. Жорж, когда-то обращавший на себя внимание Чардынина и даже Эйзенштейна, приобрел стойкое амплуа мелких негодяев в копеечных фильмах о благородных бандитах, чем дальше, тем больше зашибал, и последние годы Лиза ничего о нем не слышала. Она представляла его себе проспиртованным, опустившимся субъектом, и тем больше ее удивляли эти неожиданные заигрывания.

– Слушайте, Жорж. – Улыбка Лизы стала кислой. – Все это мы проходили десять лет назад! Бросьте свои донжуанские интонации и давайте сюда полотенце! – приказала она, сделав шаг к Жоржу.

Тот протянул ей полотенце, но, едва Лиза притронулась к нему, отдернул руку.

– Жорж, хватит валять дурака, – сказала Лиза, уже не улыбаясь. – Я не собираюсь играть с вами в пятнашки! Меня ждут к завтраку, и вообще что за хамство – заставлять даму мерзнуть!..

– Это затем, чтобы согреть вас в своих объятиях! – отозвался Жорж, раскрывая руки, и теперь уже Лиза отпрянула от него. Однако, на мгновение оказавшись рядом с ним, она уловила носом то, чего прежде не замечала из-за морского ветра: от Жоржа, из всех пор его лица, усеянного частыми пеньками щетины, разлило перегарной кислятиной.

– Жорж, да вы пьяны! – возмутилась Лиза. – Отдавайте мои вещи, не то позову городского!

– Какой городской, Лиза?! – осклабился Жорж. – Где вы его видите? И какая муха вас укусила? Мы же хорошие друзья, я не сделаю вам ничего дурного! Ну да, выпил малость, так это для храбрости... Я, Жорж Благолепов, ничтожество, мелкий актеришка, говорю с самой Лизой Тургеневой, новой звездой Голливуда...

Произнося все это, Жорж шагнул к Лизе и, прежде чем та опомнилась, обхватил ее руками и прижался губами к ее рту. Лиза старалась вырваться, мотая головой, чтобы увернуться от колющих усов Жоржа и его сочных губ, пропахших папиросами и массандровским портвейном, но насильственный поцелуй настигал ее вновь и вновь. Вместо «Оставьте меня! Пустите! Вы что, с ума сошли?!» ее рот издавал только писк и нечленораздельные вопли. Одна рука Жоржа елозила по спине Лизы, подбираясь к резинке трусиков, другая пыталась справиться с застежкой лифчика. Лиза извернулась было, чтобы дать насильнику пощечину, но не успела этого сделать. Невесть откуда налетевший буйный вихрь оторвал от нее Жоржа и отбросил прочь, как приставучую собачонку.

Глава 2

Лиза, неожиданно получившая свободу, едва не плюхнулась на пятую точку, с трудом удержала равновесие – и застыла, мигом ослепленная, оглушенная, раздавленная представшим перед ней видением. Такой заступник мог явиться к ней лишь во сне! И все же он стоял перед ней живым воплощением самых смелых грез – в белоснежном кителе, украшенном золотым крестом, с крылатым пропеллером на кокарде фуражки, с выбивавшимся из-под ее козырька светлым чубом, осенявшим высокий лоб. Кто не узнал бы это лицо с орлиным носом и широким разлетом сурово нахмуренных бровей! Одним словом, это был полковник Левандовский, предмет обожания всех российских женщин и недостижимый образец для всех мальчишек страны. Не кто иной, как он семь лет назад первым посадил гигантский ТБ-2 на полярные льды, чтобы вывезти на материк пассажиров злосчастного «Челюскина», и за этот подвиг первым в стране получил из рук президента свой крест Героя Отечества. А рекордный маршрут над Арктикой, прозванный Врангелевским? А поиски легендарной Земли Санникова? Поистине, даже в доблестной плеяде открывателей и защитников рубежей – полярников, стратонавтов, пилотов, призванных эпохой к подвигам во славу родины, – мало нашлось бы тех, кто мог сравниться с Левандовским славой и свершениями!

Но главное, этот покоритель пространств, стягивавший их стежками рискованных полетов, до сих пор, как ни странно, был холост – и при этой мысли не одна его соотечественница ощущала сладкую дрожь в груди. Водилась, правда, за ним репутация записного ловеласа; ходили разговоры о его бурном романе с балериной Булановой, но Лиза прекрасно знала этим сплетням цену, ни на грош не веря газетчикам, готовым на ровном месте раздуть сенсацию – они ее саму сколько уж раз выдавали замуж: то за одного Симонова, то за другого Симонова, то вовсе за князя Мещерского... Право же, пара непрошенных поцелуев была невеликой платой за то, чтобы заполучить такого спасителя! Любая россиянка и не то согласилась бы стерпеть, лишь бы оказаться сейчас на месте Лизы...

Глаза Левандовского еще метали молнии, а кулаки сжимались, готовые задать трепку поверженному негодяю, но так как рыцарю положено быть не только грозным, но и любезным, то летчик приподнял фуражку и сказал самым светским тоном, ни словом, ни жестом не выдавая, что удивлен невероятной встречей, будто ему каждый день случалось выручать киноартисток из пикантных ситуаций:

– Госпожа Тургенева, если не ошибаюсь? – и тут же, проявив себя человеком военным, перешел к делу: – Что прикажете сделать с этим типом? Как следует вздуть?

Лиза с трудом сообразила, что он говорит о Жорже. Появление Левандовского словно начисто отшибло у нее память о прошлом. С трудом выйдя из охватившего ее транса, она обернулась.

Жорж барахтался на мелководье. Промокший пиджак тянул его ко дну, пижонские двухцветные штиблеты мешали встать на скользких камнях, а волны, решив над ним как следует поизмываться, мотали его туда-сюда, вновь и вновь накрывая с головой. В нем не осталось ни капли прежней наглости, а взглядом он так и тянулся к Лизе, умоляя пощадить, простить и помочь. Но облепивший тело костюм и сосульки склеившихся волос делали его таким жалким и противным, что из человека он превратился в какую-то гадкую тварь, о которой хочется поскорее забыть, едва от нее избавишься. И Лиза, желавшая лишь того, чтобы этот мерзавец раз и навсегда исчез из ее жизни, брезгливо отмахнулась:

– Делать вам нечего – лезть за ним в воду! Да пусть себе катится к черту!

– Воля ваша, – поклонился Левандовский. – Надеюсь, вы не слишком от него пострадали?

– Нет, – ответила Лиза, потянувшись рукой к застёжке на спине. – Только вот купальника чуть не лишилась. Вас прямо провидение ко мне послало, полковник! Прибудь вы минутой позже... – сказала она и отвернулась, чтобы скрыть игривую улыбку.

– Вижу, – отозвался Левандовский, – что представляться нет нужды? А я так надеялся остаться неизвестным героем!

– Кто ж вас не узнает, полковник! – засмеялась Лиза. – Но какой счастливый случай привел вас в Симеиз?

– Именно что счастливый случай, иначе и не скажешь! Вы не поверите, Елизавета Дмитриевна, но я как раз направлялся к вам в гости. Ну, не к вам, конечно, а к вашему брату Борису. – Летчик сделал жест в сторону набережной, где за парашютом виднелся открытый автомобиль. – И вот плоды самонадеянности! Не стал слушать его объяснений, решил, что сам дорогу найду, а здесь зачем-то свернул не туда, заплутал, выскочил на набережную – и теперь вся надежда только на вас!

– Заплутали – на наших двух улицах? – изумилась Лиза. – Что же это вы – едва спустившись на землю, сразу сбились с курса?

– Не сбился бы с курса – не пришел бы к вам на помощь! – заметил Левандовский. – В нашем деле главное – доверять путеводной звезде! И теперь, надеюсь, я нашел ее в вашем лице!

– Значит, вы знакомы с Бобкой? – спросила Лиза. – Вы с дружеским визитом или, может, что-то секретное?

– Никаких секретов нет, Елизавета Дмитриевна. Просто не люблю торопить события. Своевременен вы обо всем узнаете, даю слово! А я тоже не ожидал увидеть вас в Крыму. Давно прибыли?

– Третьего дня. И знаете что, не величайте вы меня Елизавета Дмитриевна, зовите просто Лизой!

– С превеликим удовольствием! – кивнул Левандовский и поцеловал ей руку. – А вы зовите меня просто Евгением.

– Почту за честь! А теперь позвольте, я переоденусь.

В самом деле, пора было убираться с пляжа, пока они не привлекли к себе внимания первых зевак. Что до Жоржа, то он, по-ужиному извиваясь, кое-как выполз на сушу и теперь неуклюже удирал, оставляя за собой цепочку мокрых следов, – а с набережной ему вдогонку неслись редкие улюлюканья.

– Слушаюсь! – лихо козырнул Левандовский. – Прикажете отойти?

– Нет, вы только отвернитесь, – попросила Лиза и под защитой его широкой спины стала снимать купальник. Сменного белья она с собой не брала. Но в тот самый миг, как ее рука потянулась к платью, его подхватил и поволол прочь шальной порыв ветра.

– Ай! – воскликнула Лиза, разрываясь между стремлением ловить платье и необходимостью сперва прикрыться хоть каким-то фиговым листком – нагая, она, к несчастью, не становилась невидимой.

– Спокойно, Лиза, – услышала она голос летчика. – Не бойтесь, я на вас не смотрю.

Лизе хотелось лишь одного – найти самую узкую щель и забиться в нее, чтобы навсегда скрыться там вместе с позором этого жуткого конфуза... Но сильные руки, пресекая ее желание, подхватили ее, Лиза взмыла в воздух, и стыд отлетел прочь, смытый волной пьянящего восторга. Нет, это впрямь был сон – ведь лишь во сне можно так парить, упиваясь неведомым прежде чувством восхитительной легкости, словно тело, избавленное от последних клочков одежды, миготом утратило всякий вес! Но как же не хотелось возвращаться на грешную землю, ненадолго побыв небожительницей! И когда Левандовский, осторожно пятясь, отнес ее за те же камни, где прятался Жорж, и поставил там на ноги, громким «Кыш!» отогнав стайку мальчишек, которые прежде толпились у его машины, а теперь, привлеченные занятым зрелищем, перебрались к парашюту, Лиза, не в силах сдержаться, позволила себе, вопреки приличиям –

хотя какие там еще приличия! – на лишнюю долю секунды, сделав вид, что оступилась, прильнуть голым телом к шероховатому кителю летчика.

Затем, не успев перевести дух после вознесения к небесам, она поспешила прикрыться полотенцем, Левандовский же бросился спасать платье, которое лежало у самой кромки воды и трепетало на ветерке, как бабочка, готовая в любой момент сорваться в полет. Летчик подобрал платье за миг до того, как оно едва не стало жертвой высокой волны.

Лиза, стараясь не высовываться из-за камня, с пунцовым лицом приняла у него трофей...

– Ну вот, я готова, – сказала она, с трудом находя в себе силы покинуть убежище.

Восторг схлынул, а стыд остался. Сначала эта пошлая сцена, достойная бюргерских комедий с Марикой Рёкк, а теперь он увидит, во что она одета! Несколько мокрых пятен – пустяки, они скоро высохнут, однако Лиза, рассчитывая быстренько добежать домой по пустынным улицам, никак не предполагала в тонком муслиновом платьице, под которым на ней ничего не было, оказаться в обществе неожиданного спутника. Бог знает что теперь подумает ее спаситель! Он небось и без того наслышан о нравах актерской вольницы...

И верно, подняв глаза, Лиза увидела на его загорелом лице – не самом красивом на свете, пожалуй, даже грубоватом, испершавленном арктическими ветрами и морозами, но отмеченном печатью небрежной уверенности, которая и делала его столь неотразимым, – гримасу праведного гнева. Сердце у Лизы ухнуло куда-то под диафрагму. Но Левандовский сердился совсем из-за другого.

– Лиза, вы ударились! – призвал он свою визави к ответу, обличающим жестом указав на ее оцарапанную коленку. – Вам не больно?

– Что вы, Евгений! – облегченно рассмеялась Лиза. – Это вчерашнее. Вот и еще, – она провела пальцем по длинной ссадине на локте. – А все из-за Бобки, – объяснила она, взяв летчика под руку, чтобы тот служил ей опорой на пути по коварным камням. – Он меня давеча потащил на вершину Кошки. Туда от самого шоссе широкая тропинка ведет, а мы с ним, как полоумные, ринулись напролом по скалам и кустам... Как же нам потом от тети...

Она умолкла на полуслове: где-то за горизонтом снова раздались глухие удары, будто там по колоссальной наковальне бил невидимый молотобоец.

– Что это? – воскликнула Лиза, тревожно всматриваясь в морскую даль. – Стрельба? Неужели немцы?!

– Не волнуйтесь, Лиза! – успокоил ее Левандовский. – Никаких немцев здесь нет и быть не может! Это наши. «Императрица Екатерина» и «Севастополь» вышли на учебные стрельбы. Отсюда вы их не увидите, а вот с Ай-Петри разглядим как на ладони. Едемте? – вдруг загорелся он. – Домчим за пять минут!

– Все вас тянет ближе к небу, Евгений, – улыбнулась Лиза. – Ну, нет, пяти минут навряд ли хватит, а нас поди к завтраку заждались. Как бы мне еще дома на взбучку не нарваться! Тетя Клава там уже небось решила, что я полезла купаться в холодную воду, заработала судороги и утонула. Да и костюм у меня для Ай-Петри непригодный. Не хватало мне еще славы Джин Гарлоу!..

– Джин Гарлоу? Чем же это она прославилась? – спросил Левандовский, помогая ей подняться на набережную.

Лиза не успела ответить. С суровым «Эт-то что такое?!» летчик кинулся к своей машине – стремительных очертаний родстеру, похожему на хищного зверя, застывшего перед броском. На крышке радиатора сияла эмблемка «мерседеса», колеса были заключены в малиновые каплевидные обтекатели, а вдоль длинного капота, намекавшего на скрытую под ним мощь поршней и шатунов, тянулась щегольская серебристая стрелка, переходившая на дверце в лихой завиток. Влюбиться в этот автомобиль-мечту было так же просто, как и догадаться, чем вызван гнев его хозяина, заставивший броситься врассыпную мальчишек, вертевшихся у машины.

Родстер стоял с заметным креном на переднее левое колесо, обод которого почти касался мостовой. На белом бортике шины в глаза бросался рваный порез.

– Ребяшня, кто пропорол?! – напустился на детвору летчик. – Живо признавайтесь, не то хуже будет!

Мальчишки наперебой заголосили, уверяя, что они тут ни при чем – мол, рядом с машиной шнырял какой-то господин: вот он-то, видать, и пырнул...

– Это опять Жорж! – воскликнула Лиза. – И зачем мы его только отпустили! Я не я, если он хоть где-нибудь еще роль получит...

Летчик, нагнувшись, притронулся пальцем к прорехе.

– Что ж, Лиза, – сказал он, отряхивая руки, – хотел я вас умыкнуть на Ай-Петри, да теперь не выйдет. Придется впрямь идти к вам завтракать.

Слова об умыкании снова вогнали Лизу в краску.

– А как же машина? – спросила она.

– С машиной поступим просто...

Выяснив у мальчишек, что гараж, который он видел на въезде в поселок, принадлежит дяде одного из ребят – татарчонка Ахметки, – Левандовский велел:

– Беги-ка ты, Ахметка, к дяде и скажи ему, чтобы привел колесо в порядок. И чтобы через час машина была у виллы «Ксения». Держи. – И летчик швырнул мальчишке ключ на серебряном брелоке с изображением крохотного самолета и гравировкой: «Москва – остров Удд, 1936 г.».

Черноглазый Ахметка стоял, разинув рот, будто ему в руки свалился ключ ко всем сокровищам мира. Чуть оправившись от потрясения, он помчался прочь так, что пятки засверкали, а за ним ринулась и вся ватага.

– Что же Жорж? – спросила Лиза, чувствуя себя в ответе за то, что летчик пострадал из-за мстительности этого подлеца. – Мы его еще догоним!

– Бросьте, Лиза, при чем тут Жорж? Он совсем в другую сторону побежал... Вот ведь развелось хулиганья! Как вся наша элита потянулась в Крым взамен Ниццы и Довиля, так и всякая шваль за нею хлынула!

– Может, в полицию заявить? – беспомощно предложила Лиза.

Летчик пожал плечами:

– А что полиция? Допустим, мы заявим, а они схватят кого попало, засунут в кутузку и успокоятся. А вы одна купаться ходите! – упрекнул он Лизу. – А если бы кто-то всадил ножик не в шину, а в вас?

– Что же прикажете – ходить только с вашим эскортом?

– Неплохая мысль! – усмехнулся тот. – Но что же мы встали? Ведите! Налево, направо?

– Прямо. – Лиза, помня о предосудительности своего наряда, указала на кремнистую тропку, нырявшую в узкий просвет между кипарисами, с тем чтобы подняться по крутому склону.

Дорожка была узкая, и Левандовский пустил Лизу вперед. Дыша ей в затылок, он спросил:

– Так кто такая эта ваша Джин Гарлоу?

– Вы что, – откликнулась Лиза, – в самом деле ничего о ней не слышали?

– Слышал, наверное, – хмыкнул Левандовский, – но для меня все эти имена – Джин Гарлоу, Глория Свенсон, Мэри Пикфорд – пустой звук. Я их друг от друга не отличаю.

– И это я слышу от мужчины! – изумилась Лиза. – Не знать о Джин Гарлоу! О главной в мире платиновой блондинке! Да когда она умерла в тридцать седьмом году, все газеты об этом писали! Где вы тогда были – полюс покоряли, что ли?

– Нет, полюс покорял Чкалов. Мне не довелось. Но вы-то как будто не платиновая блондинка! Видать, она еще чем-то отличилась?

– Ну да, – кивнула Лиза и добавила, потупясь, как пристыженная гимназистка: – Тем, что никогда не носила белья...

Спустя миг, не успев даже ойкнуть, она трепыхалась в тискавших ее руках, торопливо тащивших добычу с глаз долой в колючие кусты, но все ее помыслы о спасении таяли под градом обсыпавших ее лицо и шею поцелуев, а вместе с ними на нее накатывал горячий дурман, круживший голову до сладкой обморочной слабости, от которой подламывались, вдруг сделавшись ватными, колени. Лизу опалял жар мужского дыхания, горела кожа под облапившими тело жадными ладонями, а изнутри пробивался нестерпимо нараставший, звенящий зуд, и не было сил ни сдержать его, ни замедлить приближение к ожидавшей впереди, разверзшейся голодным зевом чащобе...

Не понимая, почему все вдруг кончилось, Лиза нащупала под собой опору и попыталась утвердиться на подгибающихся ногах. Мир ходил ходуном, грудь, еще помнившая о железной хватке домогавшихся ее рук, едва вбирала в себя воздух. По-прежнему обалдевшая, Лиза обвела вокруг себя взглядом – и укол испуга заставил ее отшатнуться к Левандовскому.

На склоне в тени густых можжевельников лицом вниз лежало тело. Лиза, смутившись своего порыва, в первый момент подумала с неприязнью, что это отсыпается, не дойдя до дому, один из тех господ, которые отдых не считают отдыхом без обильных возлияний. Но его ноги в белых парусиновых брюках были вывернуты столь неестественно, что не составляло труда понять: от этого сна его способен пробудить лишь трубный зов архангела.

Глава 3

Стих оголтелый стрекот цикад, замолкли похоронные стенания раннего оркестриона на набережной – в ушах гремел, больно отдаваясь в черепе и заглушая все звуки, пульс крови. От поверженного на грудь выбеленных камней тела веяло такой неподвижностью, будто и оно, и горсть рассыпанных монеток возле его скрюченных пальцев лежали тут от начала времен. Вокруг смыкались, вставая мрачным строем, шершавые, корявые стволы, и казалось, что в мире больше нет ничего живого, кроме одинокого черного жучка, который упорно полз, пытаясь выбраться из лабиринта ажурных теней, по спине мертвеца, обтянутой холстиной дешевого пиджака.

Левандовский, стиснув Лизину руку своей лапицей, что-то говорил, но Лиза ничего не слышала. Ей до безумия хотелось завопить во всю мочь, завизжать так, чтобы донеслось и до Стамбула, и с ногтями, с кулаками наброситься на своего спутника, затащившего ее в это гиблое место. Нечего сказать, хорош спаситель! Это что же – наш герой отечества любую женщину волочет в кусты после пяти минут знакомства? Ну, натурально решил не тратить времени, чего ему церемониться с какой-то актеркой... И то сказать, не сама ли она, как последняя дура, повела его в заросли, да еще похвалялась тем, что разгуливает без белья, будто это и без того не заметно! А если бы он в пылу внезапной страсти завалил ее прямо на труп?! То-то был бы кошмар! Да после такого она бы в жизни не смогла заснуть... Ей было жутко смотреть на мертвое тело, но против своей воли она все косилась, косилась на него ошалелыми глазами.

Летчик пытался загородить от нее мертвеца, тянул ее куда-то, но Лиза нетерпеливо высвободилась – и тут же, уловив краем глаза след движения в кустах, шарахнулась к спутнику в поисках защиты. Нет, должно быть, почудилось. И Лиза, отведя его руку, готовую обхватить ее за плечи, отстранилась и двинулась к покойнику, несмотря на свербевшее где-то под ложечкой непонятное предчувствие.

Левандовский, едва не оттолкнув Лизу, первым одолел два-три шага, отделявшие их от мертвеца. Взявшись двумя пальцами за его запястье, он отметил с ноткой удивления:

– Надо же, совсем теплый! Бьюсь об заклад – еще пять минут назад он был жив и здоров...

– Может, он только без сознания? – промолвила Лиза, с трудом вытолкнув слова из пересохшего горла. Ее саму передернуло от звуков речи, ворвавшихся в могильное безмолвие, и она вновь оглянулась на кусты за плечом.

– Без сознания, как же! – криво усмехнулся Левандовский. – Смотрите, у него шея сломана! Но чтобы вы не сомневались...

Он схватил мертвеца за плечи, без усилий перекатил на спину, и Лиза отпрянула, не сдержав сорвавшегося с губ крика, когда голова покойника, мотнувшись на гуттаперчевой шее, уставилась на нее лицом, перекошенным предсмертной гримасой. Ей ничего не стоило узнать этого чернявого человека со впалыми щеками и поредевшей шевелюрой, в потрепанном летнем костюме поверх нечистой сорочки и в сандалиях, под которыми усопший, к ужасу поборников строгого стиля, носил дырявые носки – так прочно он успел влезть в ее жизнь. Не он ли не далее чем позавчера, невесть как пронюхав о ее прилете, назойливо преследовал ее на аэродроме, стараясь запечатлеть на пленку каждый ее шаг и жест? До ужаса странно было видеть его здесь, такого шумного и настырного, а теперь навсегда замолкшего, с застывшим в глазах последним кадром, который никогда уже не будет проявлен и отпечатан... Лиза опустила на колени рядом с покойником, словно ее манил к себе его невидящий взгляд, и Левандовский поспешно сказал:

– Не трогайте его! Незачем вам оставлять на нем отпечатки пальцев, – пояснил он, решив, что Лиза хочет закрыть мертвецу глаза.

Выудив из кармана сверкнувший золотом портсигар, он протер его обшлагом и поднес к губам покойника:

– Видите – не дышит.

Портсигар вправду остался чист. В его блестящей поверхности Лиза увидела собственное туманное отражение, а поверх него – гравировку вычурным курсивом: «На вечную память от З. Ш.».

– Вы его знаете? – спросил Левандовский.

– Да, – неохотно ответила Лиза. – Это Костанжогло, репортер из Ялты. Охотник на знаменитостей.

– Репортер, значит? Хотел бы я знать, что он в этих кустах позабыл... – приговаривал Левандовский, обшаривая карманы покойника. – Так и есть, Никифор Костанжогло, «Ялтинские ведомости»...

Он бегло просмотрел найденное у мертвеца редакционное удостоверение, уделив ему не больше времени, чем смятой картонной коробочке из-под фотопленки Kodak. Еще меньше интереса у него вызвали связка ключей, целлулоидная расческа, нечистый носовой платок, пачка папирос «Ира». Левандовский распахнул все это барахло обратно по карманам усопшего и поднялся.

– Ну-с, прочее – не наша забота.

Как, и это все?! Затащил ее сюда, заставил любоваться мертвецом, а теперь бросает дело на самом важном месте! Сам же говорил, что покойный неспроста полез в заросли – и, видать, так же неспроста его укололи! В самом деле, что репортеру могло здесь понадобиться? Может, его тоже потянуло на любовные приключения? Но куда же тогда делась его спутница – если, конечно, при нем была спутница? Не могла же она так быстро и бесшумно скрыться! Какая жалость все-таки, что в глазах убитого не остается следов его последних мгновений перед смертью...

Во всяком случае, так просто Лиза уйти не могла – следовало подобрать оброненную шляпку, повисшее на можжевельнике полотенце, мокрые части купального костюма, ступенями грехопадения отмечавшие приведший ее сюда постыдный путь. Нагибаясь за вещами к земле, Лиза украдкой косилась на Левандовского. Тот тоже наклонился было, но так ничего и не поднял, и Лиза, не дождавшись от него даже такой малой помощи, вновь была готова взорваться от подступавшей к горлу ярости.

Скрежеща зубами, она поплелась за Левандовским. Каждый шаг, уводивший Лизу от покойника, давался ей с трудом. То ли она боялась бросать его, раньше только досаждавшего ей, а после смерти неожиданно выручившего, то ли ее удерживала какая-то неясная мысль, додумать которую помешали злость и обида.

В конце тропинки снизойдя, наконец до любезности – подав своей даме руку, чтобы помочь ей выбраться через высокий бордюр на проезжую дорогу, – Левандовский распорядился:

– Вот что, Лиза, вы отправляйтесь домой, а я – в полицию.

– Но мы же вместе...

– Хотите, чтобы ваше имя по всем газетам трепали? Да и как вы объясните, чем мы с вами тут занимались? Нет уж, следствие спокойно обойдется без вас... Где у вас участок – там?

Лиза машинально кивнула, и он зашагал по дороге, заплеванной кляксами от раздавленных ягод шелковицы, в ту сторону, где находились автостанция, почтамт, базар и прочие блага цивилизации. Лиза же, глядя ему в спину, боролась с отчаянным желанием кинуться следом, догнать и надавать по щекам. Может быть, он хотел как лучше, но это небрежное, напоследок брошенное – «чем мы с вами тут занимались»...

Подумать только, чем обернулась встреча с мужчиной ее мечты – словно мало было Жоржа для того, чтобы отравить ей весь день...

Тут-то она и поймала за хвост ускользящую мысль. Жорж! Вот что промелькнуло у нее в голове при виде коробки из-под пленки. Не проведаль ли настырный хроникер, что известная актриса взяла за привычку бегать по утрам купаться? И уж не находясь ли с ним в сговоре, Жорж подкараулил ее и ни с того ни с сего полез к ней со своими приставаниями? Какие бы цели ни преследовали эти двое – протащить в печать дутую сенсацию или шантажировать Лизу нескромными фото, – надлежало догнать Жоржа и вытрясти из него всю правду.

Предвкушая, как выплеснет на него все то, что вскипало у нее внутри, Лиза развернулась и устремилась вниз – туда, где терзал свою машинку шарманщик, извлекая из нее один и тот же навязчивый мотив про утомленное солнце. Вот и то место, где Левандовский поволок ее в кусты. А вдруг там нет никакого трупа и весь этот кошмар ей просто примерещился? Как бы ей хотелось убедиться в этом! Но Лиза, приказав себе не валять дурака, лишь ускорила шаг.

Она так спешила, что не глядела под ноги и поплатилась за это: зловредные камешки пришли в движение, посыпались по тропинке маленькой лавиной и, подхватив Лизу, вынесли ее на набережную, почти под самые колеса летевшего мимо велосипеда. Пригнувшийся к рулю ездок, размеренно толкавший ногами педали, так резко тормознул, что шины издали злобный, рассерженный визг. Велосипед взбрыкнул, сбросил седока и, возомнив себя властелином стихий, взвился в воздух. Совершив замысловатый кульбит, он боевым снарядом низвергнулся на двух случайных курортниц, вышедших с утра пораньше на променады – и себя показать, и авантажных кавалеров повысматривать. Дамы разлетелись кеглями, а велосипедист, рухнув у ног Лизы, так и остался лежать, таращась на нее с разинутым ртом.

– Павел, Павел, да что это с вами! – воскликнула Лиза, ибо жертвой аварии был Павел Зенкевич, молодой помощник ее дяди, приходившийся ей дальним родственником. Она знала, что ведет себя безобразно, но при виде того, как поваленные дамы возятся, пытаются подняться, на нее напал неудержимый смех. Павел явно принял этот приступ веселья на свой счет – его лицо все сильнее походило цветом на перезрелый томат.

– Вставайте уж, Павел, – велела Лиза, кое-как поборов спазмы смеха. – Это вас мое явление так поразило?

– Что вы, Лиза, наоборот... – смущенно пробормотал Павел, приподнимаясь на локтях. – Я как раз вас искал!..

– Так искали, что чуть не раздавили? – съязвила Лиза. – Вон и женщины из-за вас пострадали!

Те, усилиями прохожих поставленные наконец на ноги, дали волю возмущению, издавая такие вопли, какие не всякой базарной торговке были бы под силу. Особенно старалась та из них, что постарше, – дебелая матрона в безумной шляпке, будто позаимствованной прямоком с картин Сальвадора Дали; вторая – пергидрольная девица, не то ее дочка, не то младшая родственница или компаньонка, – больше переживала за свое платье цвета сомо, скроенное какой-то портнихой из глубинки в подражание фасонам Вионне и Баленсиаги двухлетней давности. Яркий китайский зонтик, которым она жеманно вертела над головой еще минуту назад, теперь походил на что-то вроде морского ежа. Чуть поодаль к месту происшествия уже спешил, хватаясь за шашку, дородный городской, едва ли не служивший моделью местным живописцам, малевавшим на вывесках для скверных придорожных шашлычных таких же бравых усачей, распивающих вино в компании грудастых русалок. Переходить на бег он не решался, дабы не ронять достоинства, и непрерывно свистел, возмещая пронзительными трелями недостаток скорости.

Павел, ухватившись испачканной, оцарапанной ладонью за поданную ему Лизой руку, поднялся на ноги.

– Вы только не сердитесь, Лиза, – бессвязно оправдывался он, отряхивая рукава толстовки, – я не виноват, меня Клавдия Петровна за вами отправила. Я ехал, искал вас, и тут мне пришло в голову, что машина Тьюринга...

– Хам! Бандит! – набросилась на него старшая из курортниц, наступая на Павла со злобным блеском в глазах. – А вас, барышня, – не забыла она и про Лизу, не простив ей смеха, – видать, никто никогда хорошим манерам не учил!

Тут подоспел и городской, весь взмокший под грузом своих регалий.

– Я вам покажу, как порядок нарушать! – одышливо проговорил он, грозно шевеля усами. – Я вам пока...

– Любезный, – прервала его Лиза, – не пробежал ли тут мокрый господин – такой черно-усый, в полосатом пиджаке?

– Так точно, пробежали-с, – ответил городской, сбитый с толку ее вопросом. – Только его уж задержали и в участок отправили, потому как не положено это – в мокрой одежде по пляжу гулять!

Его крохотные зрачки, впявшиеся то в раздрызганных курортниц, то в смешавшегося Павла, выдавали напряженную попытку связать воедино все происходящее, и наконец, уцепившись взглядом за голые ноги Лизы, блюститель порядка рывкнул:

– Я и вас заберу! Сегодня без чулок ходите, завтра без юбок ходить начнете!

– Верно, верно! – с новыми силами напустилась на обидчиков матрона, хотя младшая спутница уже дергала ее за руку. – И его заберите, и эту девку бесстыжую! Я еще давеча видела – она на пляже с каким-то военлетом тискалась в чем мать родила! – И после этого грозного обвинения окончательно припечатала Лизу, будто плюнув в нее: – Проститутка!

Дальше случилось такое, чего никто не мог бы ожидать. Отрешенный Павел, успевший с головой погрузиться в какие-то высокие материи, недоступные простому разуму, неожиданно очнулся, стремительно шагнул к матроне и отвесил ей размашистую оплеуху.

– Это большевик! Большевик!.. – возопила дама, шарахаясь от Павла, заносившего руку для нового удара. Видимо, более бранного слова не нашлось в ее лексиконе. На ее лице, как на бумаге, был написан шок, вызванный вопиющим потрясением устоев: сколько лет копила деньги, сумела в кои-то веки выбраться из своей Вятки или Сызрани в благословенный Крым, можно сказать, приобщила к избранному обществу – и все для чего? Чтобы какой-то хулиган съездил тебе по физиономии!..

Второй раз она получить не успела – городской перехватил руку Павла.

– Сейчас, голубчик, загремишь у меня в кутузку – разом буяннить отучишься!

Лиза попыталась остановить решительного стража:

– Это Павел Зенкевич, помощник профессора Кудрявцева! Вы же знаете профессора?..

– Какже-с, знаем-с! – Городской машинально подтянулся и даже сделал движение, чтобы взять под козырек. Однако отступать он не собирался: – Только на людей нападать все равно никому не дозволяется! Пожалуйте в участок, там и разберемся. А вы, сударыни, – обратился он к пострадавшим дамам, – следуйте за нами, заявление об ущербе напишете...

К тому моменту даже старшая начала что-то соображать. Она смотрела на Лизу, и у нее все сильнее отвисала челюсть. Возможно, Зенкевич, знавший много мудреных слов, мог бы сказать, что она переживает когнитивный диссонанс. Ее компаньонка, взяв дело в свои руки, залепетала:

– Но мы не можем в таком виде... Нам переодеться надо и вообще... Мы потом придем, потом! – закричала она уже издали, вместе со старшей спутницей спеша удалиться.

– Что же вы им даете уйти?! – возмутился Павел. – Это их, а не нас надо задерживать! Вот кто пострадавшая! – указывал он на Лизу. – Если вы поведете ее в участок, я этого так просто не оставлю!

– Тихо, тихо, Павел! Что на вас вдруг нашло? Люди же смотрят... – уговаривала его Лиза, поживаясь под взглядами скопившейся публики – к счастью, немногочисленной, состоявшей по преимуществу из кустарей, уже притаивших на продажу всевозможную мелкую дребедень из ракушек и сердолика. Скандалы с участием столичных гостей были для них делом обыденным.

– Ну и пусть смотрят! – бушевал Павел, которого городской ташил прочь. – Пусть видят, что у нас полиция вытворяет! Это покушение на гордость нации, пусть все так и знают!

– Павел, я, само собой, люблю, когда мне льстят, – заметила Лиза, – но это, право, чересчур. А то вы мне совсем голову вскружите. Таких, как я, когда-то от церкви отлучали и в приличные дома не пускали...

Павел, сраженный ее едким тоном, сразу сконфузился и притих. Ведя свободной рукой велосипед, колесо которого со скрипом выписывало заметную «восьмерку», он лишь негромко клокотал, как чайник, только-только снятый с огня:

– Убить ее мало было! Что она себе позволяет?! Сама она... сама... – И он только хлопал ртом, не в силах выговорить страшное слово. – Чтобы я стерпел, как она такое о вас говорит?!

О том, что Зенкевич глубоко равнодушен к своей знаменитой родственнице, Лиза, конечно, давно догадывалась, но была уверена, что ему никогда не хватит смелости заявить об этом сколько-нибудь откровенно. А вот, поди ж ты, погруженность в машины Тьюринга, или как их там, не помешала ему встать на защиту дамы сердца, когда ее честь оказалась под угрозой! Лиза понимала, что справедливость требует как-то отблагодарить Павла – но боже мой, какие же оболтусы эти мужчины и как они умеют выбрать момент, когда их забота оказывается решительно некстати! Вот ведь учудил – раздавать оплеухи в присутствии фараона!

На всем пути в участок Лизу грызла досада. Надо же, какой день бестолковый! Хотела с Жоржем разобраться, а только сама свободы лишилась... И вообще, что у них тут за домострой – стоит на улицу без чулок выйти, как тебя уже хватают, словно опасную преступницу! Ну, ничего, сейчас тетя Клава задаст жару здешним держимордам! Жаль, что ее тут с самого начала не было, она бы этих расфуфыренных скандалистов мигом поставила на место!

Так они дошли до закоулка за автостанцией, где находился участок – несуразная халабуда, над входом в которую хищно нависал, расправив стилизованные угловатые крылья, металлический двуглавый орел. У начала дорожки, ведущей к участку через маленький палисадник с пыльными туями, несли караул фотопортреты объявленных в розыск конспираторов, смутьянов, убийц и насильников – и каждый был снят так, что выглядел настоящим исчадием ада, патентованным злодеем и душегубом. У Лизы мелькнула мысль, как сейчас ее саму посадят перед объективом, всунут в руки дощечку с надписью «Елизавета Тургенева», запечатлеют в анфас и в профиль – и потом ее лицо займет место в этой галерее негодяев. Впрочем, с чего бы ей было этого опасаться? Она, слава богу, еще не заслужила такой чести...

В участке Павел вновь принялся качать права. Он первый ринулся к восседавшему за барьером приставу Самоедову и, потрясая кулаком у него под носом, заявил:

– Требую немедленно отпустить госпожу Тургеневу! Вы не имеете никакого права ее задерживать! Это произвол и беззаконие! Я буду жаловаться президенту! – взывал он к висевшему на стене портрету Врангеля; тот, по местной традиции изображенный в виде главкома Крымской армии, в кубанке и черкеске с газырями, испепелял врагов Белого движения грозным взглядом, устремленным куда-то в темный угол под потолком.

Лиза в глубине души ожидала, что сейчас перед ней будут расшаркиваться и извиняться за незаконное задержание. Но Самоедов при виде задержанной даже ухом не повел. Если кто и был изумлен, так только Левандовский, который как раз что-то втолковывал полусонному приставу. Пожалуй, ради того, чтобы увидеть, как у летчика лезут глаза на лоб, стоило и под арест попасть. Что же до Самоедова, тот будто сроду в кино не ходил: видно было, что для него

что Лиза Тургенева, что герцогиня Виндзорская – пустой звук. Отстраняясь от бушевавшего Павла, он разомкнул челюсти и брезгливо велел городовому:

– Посади этих за решетку.

– Павел, замолчите, – приказала Лиза.

Хватит и того, что ее притащили в участок – а уж оказаться в клетке на манер мелкой воровки у нее вовсе не было никакой охоты.

– Евгений, придется вам опять меня выручать, – вздохнула она, убедившись, что за красивые глаза никто ее отсюда не отпустит. – Прошу вас, отправляйтесь к нам домой и пришлите поскорее Клавдию Петровну! Они тут у нее мигом по струнке забегают!

– Есть прислать Клавдию Петровну, – кивнул тот, не вдаваясь в лишние расспросы, и удалился, бросив напоследок: – А с покойником пусть сами разбираются. И где их, таких тупых, делают...

* * *

Павел, смирившись, стал наконец отвечать на протокольные вопросы Самоедова, цедя реплики с видом крайнего одолжения, а Лиза примостилась на откидном сиденье у стены и сложила на коленях руки, чтобы по возможности скрыть чрезмерную вольность своего наряда. Ей хотелось убраться отсюда, пока не нагрянули газетчики. Она уже мысленно видела, как это злобное племя мчится в Симеиз на крыльях сенсации, хищно готовя к бою свои «лейки» и «роллейфлекс», заправляя в них пулеметные ленты фото пленки, взводя курки затворов и заряжая фотовспышки лампочками, словно орудия – снарядами.

Пока писарь под одуряющее бормотанье радио с томительной медлительностью выводил на бланке: «Девушка Елизавета Тургенева, православная, 26 лет...», она совсем извелась от нетерпения. Где же тетя? Почему не спешит на выручку? А эти стражи закона тоже хороши! Вон какие бугаи – в портупеях, с револьверами, кулачищи как у громил. Им бы бежать на поиски убийцы, а они расселись тут и кропают бумажки, тратят время на нее, Лизу, ни в чем не виноватое и совершенно безобидное существо... Из них какого ни возьми – морда квадратная, взгляд пустой, какой-то скрежет вместо речи. В самом деле, где таких выводят?..

Ее размышления были прерваны явлением нового лица. Посреди полупустого помещения, по раннему времени еще не успевшего заполниться своеобычным комплектом подгулявших отдыхающих, дамочек легкого поведения и карманников, непонятным манером как бы сам собой образовался, выпрыгнув чертиком из табакерки, незнакомый господин, немолодой, но такой щеголеватый, что место ему было никак не в участке – только в загородном клубе. И хотя он был в штатском, Самоедов сразу же вскочил, вытянул руки по швам, и нагнулся поверх барьера в угодливом полупоклоне.

Лизе почудилось, что где-то она этого господина уже видела: что-то неуловимо знакомое было в его холеном, каком-то нерусском лице, изысканность которого странным образом лишь подчеркивалась заметным шрамом, проходившим по щеке ниже уха. Под стать лицу был и светлый костюм от Ворта. В руке незнакомец держал тонкую трость черного дерева, запонки на его манжетах отливали перламутром, посверкивала бриллиантовая булавка в галстук, шею облегал стоячий воротничок. В эту картину утонченности грубо вторгалась лишь одна чужеродная деталь: на пиджаке незнакомца отсутствовала нижняя пуговица. Она не расстегнулась – нет, была отодрана с мясом, и на ее месте лишь торчали обрывки ниток.

Пока Лиза напрягала фантазию, размышляя, в каком приключении мог побывать костюм этого господина – видать, не у нее одной день не задался, – незнакомец окинул взглядом помещение, и его взгляд, пробежав по казенной окраске стен, куснул Лизу ледяным жалом, но моментально потеплел, и лицо незнакомца расцвело радушной улыбкой.

– Боже мой, кажется, это госпожа Тургенева! Какому счастью я обязан удовольствием встретиться с вами? Или следовало бы сказать – «несчастью»? Ах да, не имею чести быть представленным! Ян Бондаренко, ялтинский негодант, – назвался незнакомцем и тут же напустился на Самоедова: – Что же ты, милейший, таких людей задерживаешь? Тебя сюда поставили ловить воров и бродяг всяких, а ты что учиняешь?! Смотри у меня, пожалуюсь господину Мавродаки, тебя в два счета на Сиваш отправят комаров кормить!

Не прошло и пары минут, как Лиза и Павел уже покидали участок. Бондаренко вышел вместе с ними. На улице его поджидал монументальный «паккард», выпучившийся на прохожих двумя тесно посаженными глазами фар. Сидевший за рулем шофер – косоглазый японец со странным рыжеватым отливом волос, – мигом выскочил наружу и услужливо распахнул перед Лизой дверь.

– Позвольте оказать вам еще одну услугу, – предложил Бондаренко, – и доставить вас домой или куда вам будет благоугодно...

Лиза заколебалась. Садиться в машину к незнакомцу, даже к такому любезному, ей совсем не хотелось, тем паче памятуя, чем закончилась встреча с Левандовским, тоже явившимся к ней спасителем. Уж больно приветливо распашные двери заманивали ее в обширное нутро лимузина, уж больно завлекающе скалился рыжий японец, со своими косыми глазами похожий на артиста, загримированного под Мефистофеля... И потом, приглашение явно не распространялось на Павла, а ведь бросать его как-никак было бы сейчас верхом неблагодарности. К облегчению Лизы, ее избавила от раздумий Клавдия Петровна, подкатившая на фэ-тоне с возницей-татарином на козлах. Такие экипажи, разукрашенные с варварской роскошью, выполняли в поселке роль таксомоторов.

– Поди-ка сюда, Лизавета! – окликнула тетка племянницу голосом не допускавшим и намека на непослушание. – Право слово, за тобой глаз да глаз нужен! Не успела одна на улицу выйти, сразу в участок загребела! Как была беспризорницей, так и осталась! – прибавила она, намекая на три года, проведенные Лизой в сиротском приюте, пока ее с братом не разыскали и не забрали к себе Кудрявцевы.

– Видите, у меня строгий конвой, – развела руками Лиза.

Ялтинский негодант понимающе улыбнулся и откланялся. Вслед за ним хотел сбежать и Павел, отговариваясь тем, что никогда не завтракает у Кудрявцевых и вообще неподобающе одет, однако Лиза пресекла его поползновения, заявив:

– Стало быть, нашел, заступился, проявил героизм – а теперь в кусты? Нет уж, извольте хоть раз почтить нас своим присутствием! К тому же, – невинно добавила она, – разве вы не желаете познакомиться с Левандовским? Я вас даже представить друг другу не успела.

Она не без тайного злорадства следила, как на лице Павла отражается сложная гамма чувств, но тот не посмел перечить, лишь отпросился сдать велосипед в ремонт.

Пока он отводил пострадавший транспорт в ближайшую слесарную мастерскую, Лиза поспешила спросить, надеясь улизнуть от словесного разноса:

– Тетя, вы знаете этого Бондаренко? Кто он такой?

– Да ты что, Лизавета, который день уже в Крыму, а про него еще ничего не слыхала? – удивилась Клавдия Петровна. – В большой силе человек, с самим Дурново дружбу водит. Ведет себя как олигарх, а сам, видать, из той шантрапы, что при революции наверх всплыла, да так там и зависла. Шрам через всю рожу, а туда же в высший свет тянется! Да еще ученого из себя строит. Помню, столкнулись мы с ним на одном приеме, так этот молодчик пристал к Аркаше как банный лист – все просил, чтобы тот ему лекцию о своих опытах прочел...

– И что же?..

– Не на таковских напал! – гордо сказала тетка. – Как Аркаша пошел про протоны с квазитронами толковать, про эм-цэ-квадрат да про закон Гейдельберга, тот мигом скис!

– Не Гейдельберга, а Гейзенберга... – хмуро поправил вернувшийся Павел, устраиваясь на жестком сиденье коляски напротив женщин.

Лошадь, позвякивая побрякушками на сбруе, потащила экипаж в гору.

– Да хоть Гинденбурга! – отмахнулась от Павла Клавдия Петровна. – И ты с ним водиться не смей, если тебе жизнь дорога! – приказала она Лизе. – Он к себе глупых девиц заманивает, подмешивает им в шампанское какую-то дрянь, от которой те сознание теряют, и вытворяет с ними все, что хочет. Вот так же Та-точка Муромцева, дочка госпожи Овцыной, пострадала. Пошла, дуреха, к нему какие-то восточные редкости смотреть, а потом очнулась где-то под Гурзуфом, избитая и только что не голая.

– Муромцева? – переспросила Лиза. – Это у нее муж застрелился?

– Ну да, – кивнула Клавдия Петровна. – Какие-то секретные бумаги у него пропали. Вот так ей не повезло, бедняжке, – и супруг пулю в лоб пустил, и сама в историю влипла.

– А что же Бондаренко? Неужели это сошло ему с рук?!

– Что ж не сойти, если они с Дурново неразлейвода? Кто бы иначе Бондаренке позволил целый дворец построить на Поликуровской горке, с пальмами и фонтанами? Дурново ему почти все подряды дает, а половину тех денег, которые Бондаренко от города за них получает, сам же себе в карман кладет. Это, моя милая, называется «откат». Вот давеча эта шайка затеяла строить объездное шоссе вокруг Ялты. Так если их смету почитать, можно подумать, что они его золотом мостить собираются! Сколько я Аркаше твержу, что об этом в газету нужно написать, да он у меня никак не раскачается...

Она продолжала изливать праведный гнев и на ворье, правящее бал в стране, и на мужа, за своей наукой позабывшего о гражданском долге, но Лиза ее уже не слушала. Кое-что прояснилось – по крайней мере, стало понятно, с какой стати этот человек способен устроить разнос полицейскому приставу. Но Лизу по-прежнему интриговала оторванная пуговица, а главное – не давала покоя память о взгляде Бондаренко, проникающем на самое дно души и пробуждающем какие-то смутные, невнятные воспоминания, слишком нечеткие, чтобы из них сложилось что-то определенное.

Глава 4

Как уже было сказано, супруги Кудрявцевы обитали на вилле «Ксения», располагавшейся в самом центре Симеиза, у начала кипарисовой аллеи. Этот псевдоготический особняк со множеством балкончиков и башенкой, увенчанной острым шпилем, был самой представительной из всех вилл, которыми в начале века поселок застроили предприимчивые братья Мальцевы. Возможно, именно поэтому ее и выбрала Клавдия Петровна, за несколько лет вполне здесь обжившаяся.

Сама Лиза предпочла бы жить не в этой помпезной громаде, находившейся в чрезмерно людном месте, а в одном из тех романтических особнячков из ракушечника, что стояли ближе к подножию Кошки. Впрочем, комната, отведенная ей теткой в башенке «Ксении», была снабжена балконом, откуда открывался такой вид, который совершенно примирял Лизу с этим жилищем.

Поднявшись к себе, Лиза распахнула дверь на балкон и стала переодеваться. Она только-только скинула платье, как с бесцеремонным «Лизавета Дмитриевна, это я» в комнату вошла горничная Дуся, слегка смутив молодую хозяйку. Дуся была бойкой и кокетливой девицей, к тому же статной и отлично сложенной, отчего не знала недостатка в поклонниках. Клавдия Петровна вывезла ее из деревни, но Дуся очень быстро освоила городской стиль, в придачу овладев свойственным русским людям умением в первую голову обучаться всему самому сомнительному и малопохвальному. С самого приезда Лизы горничная ходила за ней хвостом, стараясь набраться новейших голливудских манер. С нее сталось бы вообразить, что пресловутые привычки Джин Гарлоу переняла вся Америка, и тоже взять их на вооружение, напав разя своих кавалеров.

– Давайте ваши мокрые вещи, Лизавета Дмитриевна, – сказала она. – Пойду развешу. Вас причесать?

– Спасибо, я сама, – отказалась Лиза, продираясь гребешком сквозь локоны. Еще найдет в волосах у хозяйки хвою, вот и объясняй ей тогда, что это было за купание! – Пойди лучше проследи, чтобы Зенкевич хоть руки вымыл. А то он так и выйдет к завтраку.

– Сейчас, Лизавета Дмитриевна, – пообещала Дуся, не трогаясь, однако, с места. – Вот не чаяла такого гостя увидеть! – сказала она с придыханием, мечтательно закатывая глаза, хотя ее восторг относился совсем не к Павлу. – Надо же, сам Левандовский!.. Вы с ним у моря встретились, да? Теперь все соседи обзавидуются!

– Вот погоди, – засмеялась Лиза, – позову к нам Пожарова, тебе тоже будет что вспомнить!

Имя знаменитого актера не произвело на Дусю впечатления.

– Ваш Пожаров старый и толстый, – надула губы горничная. – А Левандовский – красавец, орел! Лизавета Дмитриевна, – переменяла она тон, подпустив в голос вкрадчивости, что всегда предвляло у нее не слишком скромную просьбу, – а можно у вас попросить...

– Опять автограф?

– Ага, автограф. Для Вартана, приказчика у господина Спендиарова...

– Что ж ты ему даришь портреты с моим, а не с твоим автографом? Он мог бы и твою карточку захотеть...

– Вы уж прямо скажете, Лизавета Дмитриевна... – зарделась Дуся. – Да зачем ему моя карточка, ему вашу получить завлекательнее. Так я вам сейчас фото принесу...

Лиза вздохнула. Так и есть, прислуга да приказчики – вот ее почитатели. И сколько серьезных ролей она ни сыграла – так и останется навсегда звездой горничных, кумиром белошвеек... Не прогадала ли она, пойдя на поводу у своего таланта – или того, что принимала за талант в те дни, когда молодой, но упрямой дурочкой выбрала эту профессию, прельстив-

пись ее обманчивым блеском? Не напрасны ли ее мечты о признании, сравнимом с тем хотя бы, какое имеют на театральных подмостках такие кумиры публики, как Коонен или Пашенная? Или только в Америке и можно на это рассчитывать? Да, именно эта мысль заставила ее отправиться на другой конец света, но хотя сам великий и ужасный Тичкок вроде бы остался ею доволен, других ролей, несмотря на контракт, для нее за морем пока что не нашлось – вот ее и отпустили домой на побывку. Но ей-богу, если звездами Голливуда сумели стать шведка Густаффсон, немка Магдалена Лош и даже, прости господи, еврейка Хеди Кислер, начинавшая с того, что нагишом скакала перед камерой, то почему бы этого не сделать россиянке Тургеневой? Может, тогда на нее перестанут смотреть как на гулящую девку, лишь по недосмотру не получившую желтого билета?

Но странное дело – инцидент с Левандовским, не идя у нее из головы, вспоминался уже не как досадное, а, пожалуй, как завидное приключение. Через распахнутую балконную дверь, теребя края тюлевой гардины, в дом любопытным гостем пробирался ветерок, легонько щеко-тавший тело невидимыми струйками. Вместе с ним прилетала игравшая где-то по соседству музыка: сперва мяукала гавайская гитара, но затем пластинку переменили, и зазвучало знойное танго, чьи глуповатые слова пробуждали в Лизе какую-то хмельную радость. Ей казалось – она готова взлететь, как взлетала тогда, нагая и невесомая, на сильных руках, ничем не прикрытая ни от их прикосновений, ни от просоленного морского воздуха. И Лиза, прихорашиваясь перед трюмо, обнаружила, что мурлычет себе под нос:

Ты не знал, не видал, как я страдаю.
Ты жестоким был, ты со мной шутил,
Ты казался чужим.
Все прошло, и легко на сердце стало.
Ты со мной сейчас, и ласкает нас
Ночь дыханьем своим...

– Да вы никак влюбились уже, Лизавета Дмитриевна! – заметила вернувшаяся Дуся. – Вот я вам карточку принесла, а вы спускайтесь поскорее, все вас ждут!

– В кого это я влюбилась, скажите на милость?! Смотри, уеду насовсем в Америку, кто тебе тогда будет для приказчиков автографы раздавать? Может, впрок наготовить, чтобы ты мне лишний раз не докучала?

– С чего это вы – опять в Америку? – Дуся как будто бы даже обиделась. – Небось одного раза хватит! К вам такие люди приходят, а вы – в Америку!..

У приказчика Варгана явно была губа не дура. Он выбрал карточку с Лизой в роли Ларисы – в платье с турнюром и корсажем, из которого двумя пухлыми полушариями выпирала грудь, казавшаяся значительно пышнее, чем была на самом деле. Как раз после этой роли на Лизу обратили внимание голливудские воротилы, и ей иногда приходило в голову – не из-за платья ли?

Схватив самописку, Лиза энергично чиркнула поверх фото: «ЛизТур» – и поспешила к завтраку.

Трудами Клавдии Петровны столовая превратилась во второе издание старого московского дома Кудрявцевых на Ордынке, словно не было ни мировой войны, ни революции, ни последующего хаоса, а время остановилось для хозяйки в тот год, когда она познакомилась с будущим мужем при весьма романтических обстоятельствах: тот защитил ее на студенческой демонстрации от казачьей нагайки. Здесь все так же сияла бликами надраенная до блеска посуда, на буфете в ряд чинно выстроились мраморные слоники, а поверх телевизора со слепым бельмом крохотного экрана – уступки прогрессу, никаких передач, впрочем, здесь не

ловившего, – лежала неременная салфеточка. Но сошедший с ума мир все равно вторгался в жилище вместе с заголовками на листе утренней газеты, от которой никак не мог оторваться профессор Кудрявцев. Сама Клавдия Петровна, вышедшая к завтраку в кружевном матинэ, восседала во главе стола. Никто бы не догадался, что эта гранд-дама с подобием морской ряби на тщательно завитой голове когда-то бестужевкой участвовала в комитетах помощи забастовщикам.

Напротив профессора усадили Левандовского и Бобу – последний ради гостя нацепил галстук-бабочку, но и с ней вид у него был, как всегда, взъерошенный и растрепанный. Правда, по его простецкому лицу, отчасти скрытому за огромными роговыми очками, трудно было заподозрить, что он способен на отчаянные авантюры вроде подъема на ту же Кошку по отвесным скалам. Он притащил с собой кипу вырезок и фотографий, которыми завалил вокруг себя все свободное место, и даже за столом продолжал что-то увлеченно вещать Левандовскому, слушавшему его с вежливым вниманием. Летчик при появлении Лизы приподнялся, готовый быть ее верным слугой. Но Лиза, проигнорировав присутствие нового знакомого, поспешила пробраться на свое место.

Ее стул находился между Бобой и Павлом, который с ужасом созерцал бесчисленное множество расставленных на столе молочников, судков, менажниц и прочих предметов посуды, в которых было бы трудно разобраться и не такому витающему в эмпиреях человеку. Завтрак у Кудрявцевых, как и все, что проходило через руки Клавдии Петровны, отличался обстоятельностью. Всем сразу же выдали овсянку – ее не получил лишь профессор, которому супруга, заботясь о его здоровье, прописала особую диету. Дуся, артистически оттопырив попку, поставила перед ним тарелку со шпинатом, которую держала самыми кончиками пальцев, словно дохлую мышь за хвост. Когда Аркадий Аристархович, шумно захрустев газетой, сложил ее и отдал горничной, стало видно, что выглядит он в самом деле неважно, и вряд ли причиной тому было переутомление: несмотря на целебный крымский климат, кожа на его лице была бледной до синевы, руки покрывали пятна йода, которым профессор лечил непроходившие нарывы, а некогда могучая шевелюра, густые усы и окладистая седая борода, придававшие ему вид генерала от науки, выпадали прямо на глазах.

Сама же горничная успела вырядиться в почти неприлично короткую юбочку и щедро надушиться «Крымской розой». Бедный приказчик Варган! – подумала Лиза. Плакали Дусины кавалеры. Теперь она любому припомнит, что прислуживала самому Левандовскому. И то сказать, гость такого уровня, пожалуй, появлялся у них в доме впервые. Нильс Бор или Макс Планк были не в счет – их имена ничего не говорили ни Дусе, ни ее ухажерам; а коллег Лизы по актерскому цеху не жаловала Клавдия Петровна.

Хмуря брови, Лиза смотрела, как Дуся вертится рядом с Левандовским, давая ему полный обзор глубин своего декольте, в котором точно было на что поглядеть. В пику Дусиным ужимкам Лиза принялась демонстративно ухаживать за Павлом: то намазывала ему масло на гренок, то протягивала сахарницу, то подавала вазочку с медом, отгоняя ложечкой приبلудную осу, и Зенкевич напрасно мямлил: «Нет, нет, Лиза, что вы, не надо, давайте лучше я вам...» Против своей воли она, однако, прислушивалась к тому, что говорил Боба, изобильно рассыпавший по камчатной скатерти крошки, и приглядывалась к его вырезкам, на которых изображались причудливые каплевидные или веретенообразные машины с острыми, позаимствованными из авиации плавниками. Этим зализанным болидам на колесах самое место было среди межзвездных кораблей, инопланетных пейзажей, космоплателей в блестящих скафандрах и полуголых девушек в щупальцах у чудовищ, украшавших обложки журнальчиков с крикливыми названиями – «Удивительные истории», «Изумительные истории», «Сверхнаучные истории», – пачку которых Лиза привезла брату из Америки: Боба был большим охотником до подобного чтива.

Вскоре ей стало ясно, и о чем идет речь, и в чем вообще причина приезда Левандовского к Бобе: тот уговаривал летчика сесть за руль сверхбыстроходной машины и побить мировой рекорд скорости. Машина, правда, существовала лишь на бумаге, но, по словам Бобы, получить финансирование, особенно если в проекте примет участие Левандовский, было плевым делом – Рябушинский-младший, главный акционер АМО, сам горел желанием отобрать рекорд у англичан. До шестисот верст в час оставались сущие пустяки, и Боба был готов на все, чтобы воспользоваться шансом.

Оседлав любимого конька, Боба вдохновенно вещал про решительного Кэмпбелла, на своих «Синих птицах» штурмовавшего один рекорд за другим то на пляже в Дайтоне, то на соляных полях Бонневиля; про доблестного Генри Сигрева, отдавшего жизнь за то, чтобы стать рекордсменом и на суше, и на воде; про невероятную дуэль Эйстона и Кобба и про их аппараты с тысячами лошадиных сил в утробе; о случаях поразительных неудач и невероятного везения, о капризах погоды и выходах техники, об отваге и безрассудстве, – а вместе с терминами, которыми он пересыпал свой рассказ – «беспротекторные шины», «независимая подвеска», «центробежный компрессор» – по столовой будто плыл тот же букет из бензина, смазок и прочих технических ароматов, который обычно пропитывал одежду Бобы. Но в его устах все эти словечки звучали так аппетитно и заманчиво, что устоять перед их чарами мог бы только самый закоснелый гуманитарий.

Уже и Павел одолел свою кашу, и Дуся разлила всем кофе, и даже профессор, поковырявшись в шпинате, проявлял интерес к этим рассказам, а Боба и не думал закругляться. Тщетно сама Клавдия Петровна пыталась вставить в его речь хоть слово. Боба поневоле приумолк лишь после того, как в гостиной зазвонил телефон и горничная, ответившая на звонок, высунулась в дверь с негромким «Лизавета Дмитриевна, – вас!».

Лиза с досадой встала из-за стола. Опять начинается – то ли воздыхатель новый по ее душу, то ли кому-то взять интервью приспичило. А приучить Дусю сперва спрашивать, кто звонит и по какому делу, а уж затем звать молодую хозяйку к аппарату, никак не удавалось – Дуся была твердо уверена, что толпы поклонников никому не могут быть в тягость.

– Госпожа Тургенева? – незнакомым голосом бойко откликнулась трубка на ее «Алло!». – С вами говорит Ялта, сыскное отделение. Не позволите ли отнять у вас минутку вашего бесценного времени по поводу смерти Никифора Костанжогло? Вы свободны сегодня? За вами заедут через полчаса, высылаем машину. – И трубка, не дожидаясь возражений, дала отбой.

Лиза несколько секунд переваривала неожиданный звонок, вслед за которым нахлынуло и недовольство, и недоумение, а главное – пробежавшее холодными пальцами по коже беспокойство. Проглотив комок, вставший в горле при мысли об остекленевших глазах Костанжогло, она сказала в умолкшую трубку, повысив голос так, чтобы он был слышен в гостиной:

– Погодите, я сейчас Евгения Михайловича спрошу!

Звать Левандовского ей не было нужды – тот, правильно поняв смысл реплики, уже сам стоял в дверях. Лиза показала глазами, чтобы тот прикрыл дверь, и спросила, предоставив собеседнику любоваться ее затылком:

– Евгений, вы кому-нибудь говорили, что труп мы вдвоем обнаружили?

– Никак нет, – сказал Левандовский. – Собственно, не ручаюсь, что до вашего пристава вообще дошли мои слова про труп. Чтобы таким, как он, что-то втолковать, нужно одно и то же раз пять повторить, а я и одного-то раза не успел...

– Тогда как вы объясните вот это? – И Лиза, все же соизволив вновь повернуться к нему лицом, рассказала, кто и зачем вызывает ее в Ялту.

– Ей-богу, Лиза, – развел Левандовский руками, – я не обмолвился ни одной живой душе! Более того, не понимаю, каким образом обо всем так быстро в Ялте проводали? Может быть, этого Костанжогло, как говорится, «пасли» и видели, что мы были рядом с трупом? Но к чему

тогда ваши показания – они сами все должны знать лучше нашего. Как хотите, но что-то тут неладно... Не стоит, наверное, вас туда отпускать.

– Чтобы они сюда явились меня допрашивать?! Еще надо придумать, что тете сказать, а то не сносить мне головы, если она узнает, что мы в кустах трупы разыскивали вместо того, чтобы кушать простоквашу с гренками! Вы-то, надеюсь, ей не проговорились? Нет, – добавила она, чуть поразмыслив, – надо выяснить, что все это значит.

– Я еду с вами, – объявил Левандовский.

На миг ей опять стиснуло грудь – не от тревоги, а от вновь промелькнувшего ощущения взлета. Но, мысленно упрекая себя и за излишнюю восторженность, и за вьевшееся в кровь лицемерие, она сказала капризным тоном женщины, уставшей от опеки надоедливых кавалеров:

– Да что вы, Евгений, зачем вам так усердствовать? Ничего со мной не случится! И кроме того, вы же к Бобе приехали. Мне неловко будет, что вы из-за меня сбегаете, не успев с ним поговорить.

– Не волнуйтесь, такие дела за раз не решаются. И потом, выслушать его я уже выслушал, а с ходу давать согласие все равно не собирался.

– Ну что ж, – Лиза изобразила кокетливое равнодушие, – если вам больше нечем заняться, составьте мне компанию. Буду рада. Только о трупe – ни слова! Мы едем в Ялту готовиться к премьерe...

Вернувшись с этим напутствием в столовую, она с места в карьер начала выдумывать:

– Тетя, это насчет премьеры завтрашней звонили. Для чего-то я им там понадобилась. И не переживайте вы, что я опять без эскорта останусь, – со мной Евгений Михайлович вызвался поехать.

Лицо у Павла вытянулось так, что на него было больно смотреть, а Боба недовольно дернулся, но на этот раз Клавдия Петровна не дала ему и слова вымолвить, ответив племяннице:

– Какая уж теперь премьеры после твоих выходов! Я платье новое сшила, а ты такое вытворяешь! Как же я с тобой в обществе покажусь?

– Вы так и не объяснили, что за премьеры, – сказал Левандовский, снова приходя Лизе на выручку.

– Картина новая, с Самсоновым. «Капитан поднебесья». Наши с ним сцены еще год назад были сняты, но там столько комбинированных съемок, что их никак закончить не могли. И вот наконец смонтировали – как раз к моему приезду подгадали. А вы плакатов не видели? Ничего, еще увидите.

– Надеюсь, вы меня контрамаркой снабдите?

– Снабжу, не сомневайтесь! Там как раз по вашей части – летчикипилоты, коварные враги, отважный герой совершает подвиги и бурная любовь на этом фоне.

– Вот как? Придется весь Качинский аэродром с собой привести. Я там сейчас пребываю на задании, – пояснил он.

– Приводите, приводите, – одобрила Клавдия Петровна. – Хоть будет кому за нашей Лизаветой ухаживать, а то она совсем в девицах засиделась... Двадцать семь через неделю стукнет, и что? Ни кола ни двора, только съемки эти несчастные!

– Тетя, вы нашу Лизу не обижайте, – хмыкнул Боба. – Может, у нее призвание – служить искусству!

– Служить искусству, сказал тоже! Вот Нежданова – она искусству служит! А у Лизаветы хоть бы роли приличные были – так нет же, всяких профурсеток играет, смотреть тошно! Дуся, дай сюда газету! – велела тетка горничной. – Что-то там про нее мелькало...

Поднеся к глазам висевший на шее лорнет, Клавдия Петровна принялась изучать поданную газету. Пролистав страницы с заголовками об осаде Тобрука, о монархической оппозиции

в Думе и об очередном инциденте на маньчжурской границе, она нашла фотографию племянницы и погрузилась в чтение заметки, проговаривая про себя слова шевелящимися губами. Боба, пользуясь паузой, хотел было продолжить разговор про рекордные машины, но едва он открыл рот, как тетка провозгласила:

– Ну, вот хотя бы! – и зачитала вслух: – «...Знаменитых розыгрышей Тичкока госпоже Тургеневой избежать не удалось. Он пригласил ее на обед, где все блюда, включая суп, были голубого цвета и поданы на голубой посуде, – все, по словам Тичкока, подобранное под цвет глаз его гости...» И ты, Лизавета, среди такой публики крутишься! Сколько времени в своем Голливуде валандалась – хоть бы какого миллионера там раздобыла. Или вон, в Ливадии изволят гостить наследный князь Монако. Вот с кем тебя надо познакомить! Как раз подходящая партия.

Лиза кисло улынулась. Проектов подобного рода у тетки было множество, и по большей части все такие же фантастические. Клавдия Петровна питала твердое убеждение, что с ней охотно породнятся даже царствующие особы – недаром в Стокгольме ей пожимал руку сам шведский король!

– Он поди присматривает, куда сбежать, если немцы захотят его казино конфисковать, – попыталась отшутиться Лиза. – Ну и зачем мне князь без княжества?

– Если так дело пойдет, – буркнул Боба, – сами без страны останемся. Как они всех под орех разделили, а? В прошлую войну четыре года в окопах ковырялись, а тут раз-два – и уже по Шан-Зелизе маршируют!

– Да ну тебя, Боба! – фыркнула Лиза, которая терпеть не могла разговоров о войне. – Что за пораженческие настроения? Смотри, еще загремишь в когти Андрею Леопардовичу!

Упоминание о грозном прокуроре Андрее Леонардовиче Верховском и его Комиссии по расследованию антироссийской деятельности кого угодно могло ввергнуть в священный трепет. Верховского не зря прозвали Леопардовичем – он прославился тем, что еще в семнадцатом году выписал ордер на арест пресловутого Ульянова-Ленина, а впоследствии яростно выискивал всевозможных врагов отечества.

– Что ты меня стращаешь Андреем Леопардовичем! – взвился Боба. – Хватит уже, большие чистки давно кончились! Никакие это не пораженческие настроения, а простой здравый смысл!

– По-твоему, немцы – такие дураки, снова затевать войну на два фронта? – прогудел профессор. – Думаешь, они за четверть века ничуть не поумнели? Зачем немцам сейчас идти на нас войной, если раздавить Англию им ничего не стоит? Бросок через Босфор, одна армия – через Палестину на Синай, вторая – к иракской нефти. Египет берется в клещи, а там британцам и против Роммеля-то еле-еле сил хватает. И едва Суэц будет у немцев в руках, Британская империя развалится. Мятеж Рашида Али выдает их планы с головой.

– Да, но кто же пропустит немцев через Турцию? – возразил Боба.

– А кто их там остановит? Сами турки? Это смешно. Они хоть завтра готовы за рейх воевать, да только англичан боятся.

– Допустим, – не сдавался Боба, – и что потом? Германия на этом остановится? Самое время придет с восточным соседом разобраться! Забыли уже, дядя, речи фюрера про жизненное пространство? А мы ему чем ответим? Что сможем выставить против немецких танковых клиньев? Конницу с тачанками?

– Пусть в стране с танками негусто, – таинственно произнес профессор, самодовольно подергивая себя за бороду, – зато у нас найдется кое-что, от чего никаким немцам не поздоровится!

– Это что же, дядя, весь мир гадает, как армады вермахта остановить, а у вас, значит, и рецепт имеется?

– Не без того, не без того... Наука, знаешь ли, она много разных гитик умеет!

– Может, поделитесь рецептиком-то?

Павел неожиданно заерзал и задергался, будто ему под седалище подсунули раскаленную сковороду. Он раскрыл было рот, но не хватало решимости вмешаться в спор. Это заметил даже профессор:

– Ну, что с тобой такое, Павел? Опять где-то германских агентов увидал? Я тебе сто раз твердил – шпионы бывают только в кино! Какая там у тебя была картина? – обратился он к Лизе. – «Ошибка инженера Кочнева», так? Ох уж эта шпиономания! Я как пропуск дома забуду, меня в мою же лабораторию не пускают, а на углу в заборе дыра, и заходи кто хочешь!

– Российская секретность! – рассмеялся Левандовский. – И мы на Каче с летного поля регулярно пастухов гоняем! И все-таки, Аркадий Аристархович, – добавил он, – лишняя осторожность в наше время не помешает. Сами знаете, был бы секрет, а украсть его всегда кому найдется...

– И вы туда же, батенька? Я говорил и буду говорить, что шпиономанию раздувают наши драгоценные власти, чтобы было на кого свои прегрешения сваливать! Спасибо Андрею Леопардовичу, выловил столько шпионов, сколько никогда в природе не существовало!

– Ты, Аркаша, послушал бы, когда тебе дело говорят! – упрекнула его супруга. – А то вечно ты один умный, а остальные дураки! Оттого и ученики все разбежались, один самый верный остался! – кивнула она на Павла. – Да и тот, как выясняется, вовсе не тебе верность хранит! Да-да, – объяснила она, усмехаясь, – пока ты, Лизавета, наверху одевалась, мы из него все выудили о ваших приморских приключениях! Понятно теперь, почему ты за князя замуж не желаешь – у тебя, выходит, и без того жених есть!..

На острый язычок Клавдии Петровне не следовало попадаться – Лизе это было прекрасно известно. Больше, чем за себя, переживая за Зенкевича, готового провалиться сквозь пол, она не знала, как остановить разошедшуюся тетку, но, к счастью, за окном загудел клаксон...

Глава 5

И хотя это всего лишь расторопный Ахметкин дядя подогнал приведенный в порядок родстер, Лиза все равно была рада, что нашелся повод прервать завтрак. А на улице уже крикал новый гудок – не такой бархатистый и солидный, как у «мерседеса» Левандовского, а повыше тоном, отрывистый и нетерпеливый.

– Просила же не присылать за мной машину! – поморщилась Лиза, моментально входя в роль. – Сама бы как-нибудь добралась! Дуся, пойдی скажи там, чтобы подождали, я сейчас соберусь!

Видно, в сыском отделении Лизу не считали такой уж важной птицей – за ней приехал всего-навсего потрепанный фордик. Да и шофер ей достался какой-то несерьезный: коренастый толстячок в косоворотке, внешностью чем-то смахивавший на дворового кота-бандита. Он поджидал пассажирку, облокотившись на распахнутую дверцу, и, явно не оставшись безразличным к прелестям горничной, охмурял ее своим красноречием, разливаясь соловьем, а та слушала его байки, разинув рот.

– ...Вообразите себе, Дарья Тимофеевна, этот прохиндей вдруг как завопит чистым русским языком: «Спасите, убивают!» – трепался посланец из полиции и сам заходился от своих баек свистящим смехом, будто исторгали из себя протяжный звук мехи гармошки.

При появлении Лизы он мигом забыл про Дусю, выплюнул изжеванный чинарик, чуть поклонился, в широком замахе сорвав с круглой, стриженной под бокс головы белый картуз, и воскликнул неожиданно высоким и сиплым голосом, ничуть не вязавшимся с его плотной фигурой:

– А вот и наша звезда! Заждались мы вас трошки, Лизавета Дмитриевна! Ну, попались вы нам как кур в ошип, теперь держитесь! – И он снова засмеялся, но осекся, когда вслед за Лизой на улицу вышел Левандовский.

Летчик с легким презрением окинул взглядом и этого субъекта, и его экипаж и осведомился с каплей барственной лени в голосе:

– Так это вы, любезный, из сыского отделения? А документ какой у вас имеется?

– Сей момент, ваше благородие! – Развязности у шофера убавилось, услужливости, напротив, сильно прибавилось. – Пожалте, вот он, наш документ! Извольте убедиться, все чин по чину – Тарас Ковбасюк, помощник следственного пристава!

– Так-так... – Левандовский, заглянув в удостоверение, вернул его владельцу. – Вот что, любезный: для госпожи Тургеневой у вас лимузин слишком неказистый, да и неудобно ей в нем будет. Вы вперед езжайте, а я Елизавету Дмитриевну сам повезу – в мою-то машину ей сесть будет не стыдно.

Лиза, ждавшая этого приглашения, все же была задета тем, как по-командирски оно прозвучало. Опять он распоряжается, что ей делать и чего не делать! Но хватило бы одного взгляда на обшарпанный, пыльный фордик и на стремительный «мерседес», блиставший лаком и хромом, чтобы моментально сделать выбор. И посланец, назвавшийся Тарасом, тоже понял это, окончательно стушевался и даже воздержался от протестов, лишь попросив с фамильярным заискиванием:

– Тильки вы уж, ваше благородие, не подкачайте – если я Елизавету Дмитриевну не доставлю в целости и сохранности, с меня бошку снимут!

– Ладно, ладно, – махнул рукой Левандовский, – трогай!

Лиза опустилась на мягкое сиденье родстера, обтянутое скрипучей белой кожей, и утонула в машине так, что верхний край приборного щитка оказался на уровне ее глаз. Левандовский нажал кнопку стартера, мотор мгновенно завелся, коротко рыкнув, как злобный вол-

кодав, и автомобиль плавно покотил вслед за фордиком, пофыркивавшим и выпускавшим из выхлопной трубы синеватые струйки дыма.

– Очень мило с вашей стороны, что вы так цените мое общество, – сказала Лиза, – но могли бы сперва и меня спросить, кого я выберу себе в спутники!

– Если вас мой скромный транспорт не устраивает, мы в момент все исправим! – отозвался Левандовский. – А я-то был уверен, что угадал ваше желание!

– Не больно-то удачно это у вас получается, – возразила Лиза. – Слишком недолгим было наше знакомство!

– Надеюсь, у нас будет шанс сделать его долгим. А кроме шуток, думаю, со мной вам будет безопаснее, чем с этим субъектом...

– Ну, это еще неизвестно, с кем мне будет безопаснее... – заметила Лиза, не в силах сдержаться: колкости так и просились ей на язык.

Левандовский резко нажал на тормоз и даже приоткрыл со своей стороны дверь, готовый выйти из машины.

– Елизавета Дмитриевна! Раз вы меня опасаетесь – садитесь за руль, и я окажусь в полной вашей власти!

– Нет-нет, Евгений! – стала отнекиваться Лиза, поспешно вцепившись летчику в руку, чтобы он не вздумал уступать ей место. – Я и машину-то водить почти не умею, а в этом скопище точно кого-нибудь собою! Я вам доверяю, доверяю! – добавила она, желая поскорее ехать дальше, пока вокруг не собралась толпа.

И впрямь, многие засматривались на машину причудливых форм, узнавали летчика, показывали на него друг другу. Курортная суббота вступала в свои права, и выбраться из поселка было непросто. С одной стороны на мостовую вылезли стенды туристских бюро, обклеенные пестрыми открытками, на которых под надписью «С приветом из Крыма» бросали улыбки проходим либо нафиксатуаренные усатые красавцы, либо завитые ангелоподобные девушки на фоне главных местных достопримечательностей – Воронцовского дворца, мисхорской русалки и прочего; с другой – надрывали голоса зазывалы, приглашая гуляющих испытать счастья у столиков лотереи-аллегри. Фордик Тараса пробирался сквозь столпотворение, временами издавая залиvistые гудки, а родстер Левандовского степенно плыл у него в кильватере. Резвые пацанята, бежавшие вслед, казалось, вот-вот ухватятся за бампер машины, повиснув на нем ненужным балластом.

У входа на базар, где было особенно многолюдно, движение и вовсе застопорилось. Дорогу пересекал отряд скаутов-врангелят в белых рубашечках и шортах цвета хаки, видимо направлявшийся на пляж. Ломкие ребячьи голоса, перекрывая крики торгующих мальчишек и полные сладкой патоки голоса Козина и Лемешева из радиол, нестройно, но вдохновенно выводили: «Бейте с неба, самолеты!», а шедший впереди барабанщик задавал темп, так самозабвенно выбивая дробь, что казалось, сейчас вся улица пойдет чеканить шаг, заразившись маршевым ритмом. Колонну замыкал воспитатель средних лет – тоже в белой рубашке и в шортах. «Ага, ему без чулок можно, а мне нельзя!» – подумала Лиза, глядя на его волосатые ноги. А вот пошла бы она в Учительский институт, как хотела тетка, могла бы сейчас так же выгуливать девочек-скаутов, сверкая голыми коленками, не прикрытыми коротенькой юбкой, и никто бы ей и слова не сказал...

– Никогда бы не подумал, что вашему дяде станут строить лабораторию в таком месте... – заметил Левандовский.

Лиза желчно усмехнулась:

– Это Клавдия Петровна так настояла, потому что Аркадию Аристарховичу здешний воздух полезен. Что-то я, правда, не вижу пока от него большой пользы. Впрочем, если с утра до ночи, как дядя, в четырех стенах сидеть, здоровье испортить легче легкого! Здесь надо гулять, в море купаться, развлекаться...

– Это у него от сидения в четырех стенах нарывы? – усомнился Левандовский. – Ваш дядя, случайно, газы на себе не испытывает?

– Какие газы?

– Какие? Обыкновенные – фосген, люизит, хлор-циан...

– С чего бы это? – возразила Лиза, в первый момент испугавшись было при мысли о том, что дядя болен чем-то заразным и теперь, того и гляди, у нее самой начнут выпадать волосы. Но потом вспомнила, что у тетки никаких признаков облысения не заметно, и успокоилась. – Он у нас физик все-таки, а не химик...

– В наши дни между тем и другим разница невелика. Скажем, изотопы радия разделять – для кого задача, для физика или для химика?

– Какие слова вы знаете... – промолвила Лиза. – Если бы я еще понимала, что они означают!

– Неужели вы от дяди ничего не нахватались?

– Что вы, Евгений! Я – темная женщина, в гимназии по физике одни тройки получала, как меня дядя ни пытался натаскать... А вы, я вижу, интересуетесь наукой?

– Я же Императорское московское техническое кончал. Теперь почитываю *Naturwissenschaften* в свободное время, – признался Левандовский. – Не так уж у меня его много, к сожалению...

– Ну да, вы же и здесь на задании...

– Да, – кивнул Левандовский. – Вообще это секрет, конечно, но от вас у меня тайн нет. Мы на Каче проводим испытания нового сверхтяжелого бомбовоза «Пересвет» конструкции Петлякова. Колоссальная машина, настоящий крылатый линкор. Думаю, удастся устроить, чтобы вам на нем разрешили подняться в воздух. Вот приведу завтра на вашу премьеру коменданта аэродрома, он вам ни в чем не сможет отказать. Если пожелаете, разумеется.

– С удовольствием, я сама вас хотела просить! Меня тут зовут сыграть авиаторшу, вот и надо бы на пилотском месте посидеть, проникнуться ощущениями...

– Авиаторшу, говорите? А не понижение ли это в должности? – пошутил Левандовский. – Помнится, в «Первых на Луне» вы играли звездолетчицу...

– Ах, лучше не вспоминайте! – вздохнула Лиза, считавшая эту картину дурацкой, а свою роль – пустой и мелкой.

– Да почему бы не вспомнить? – возразил Левандовский. – С кем же еще к звездам лететь, как не с вами?

– Вы мне льстите! – улыбнулась Лиза. – И когда же мы летим?

– Боюсь, не скоро. Королёв который год денег не может найти, а Циолковский вовсе в нищете умер...

– Бедняга... – промолвила Лиза. – Я же его знала, – он «Первых на Луне» консультировал. Забавный был дедуля, только глухой как пень.

– Да... – кивнул Левандовский. – Вечная судьба изобретателей в России! Никому они тут не нужны, а между тем фон Браун в Германии строит одну ракету за другой. Но вряд ли это вам интересно...

– Почему же? И мне интересно, а моей героине – и подавно!

– Что же у вас за героиня?

Лиза, уверенная, что и новая роль не принесет ей больших лавров, объяснила с небрежной усмешкой:

– Осипенко, Ганна Рейч и Амелия Эрхардт в одном лице – такая себе амазонка, затеявшая беспосадочный полет вокруг света. Я за всем этим не очень слежу, но ведь никто еще так вроде не летал?

– Эх, Лиза, не травите душу... Это же был мой проект! Мне Туполев уже готовил машину для такого перелета, но сами видите, что в мире творится – куда ни полетишь, всюду пальба. Еще собыют ненароком. Придется ждать, когда они все отвоюются.

– То-то у нашего Бобы на вас такие планы образовались! Мне даже странно было – с чего это вы вдруг решили штурвал на руль променять?

– Одно другому не мешает. Прокатиться с ветерком приятно и в небе, и внизу!

– С ветерком? Вы про шестьсот верст в час? Да это какая-то безумная скорость!

Они были уже на Верхнем шоссе – главной магистрали Южного берега. Длинный капот «мерседеса», по-прежнему следовавшего за Тарасовым «фордом», был нацелен на стену Ай-Петри, в контуре которой отсюда, с западной стороны, при некоторой живости воображения можно было разглядеть силуэт лежащего на спине человека – и не кого-нибудь, а, по уверениям местных жителей, невинноубиенного императора Николая. Казалось, что дорога проходит под самым трехсотсаженным обрывом Яйлы, хотя до него оставалось еще довольно далеко. По правую руку во всю ширь распахнулось море, обволакивая горизонт гигантской чашей в мелкой сетке волн. Этот залитый солнечным светом простор, лазурь небосвода, блеск морских далей, рев мощного мотора – все подхлестывало к стремительному движению. И Левандовский, словно только и ждавший предлога, моментально откликнулся:

– Безумная, говорите? Лиза, если мы собираемся к звездам, так привыкайте к скоростям!

Мотор, негромко урчавший под капотом, басовито загудел, зарычал, взревел во всю мощь восьми цилиндров, и «мерседес» устремился вперед пулей, вырвавшейся из ствола. Лиза, вдавленная ускорением в мягкую подушку, тщетно пыталась вымолвить слово протеста. С легкостью обогнав фордик, неторопливо бежавший по дороге, родстер наддал еще сильнее. Миг – и полицейский автомобиль, за лобовым стеклом которого маячила очумевшая рожа Тараса, остался уже далеко за спиной, а Левандовский будто и не заметил, что впереди только что было препятствие.

– Стойте, стойте, Евгений! – воскликнула с восторженным ужасом Лиза, не услышав саму себя за воем мотора и свистом ветра, и едва не откусила язык – попавшая под колесо выбоина подбросила ее на сиденье, заставив лязгнуть зубами. Машина же после толчка потеряла направление, завиляла, шарахнулась вправо, потом влево – прямо под колеса выскочившей из-за поворота полуторки, шофер которой бешено жал на гудок. Вильнув еще раз, родстер каким-то чудом избежал лобового удара – полуторка левым краем бампера лишь задела машину по переднему обтекателю. Теряя скорость, «мерседес» влетел правым колесом на каменное ограждение, проломив в нем брешь, и повис мордой над крутым склоном. Всего этого Лиза уже не видела: она крепко зажмурилась с того момента, как машину понесло на грузовик.

После удара и скрежета, на смену которым пришла тишина, Лиза все так же сидела, не решаясь открыть глаза. Из оцепенения ее вывел голос Левандовского и его пальцы, схватившие ее за руку.

– Лиза, мы целы.

Она дернулась, как обожженная, и с затравленным «Не трогайте меня!» распахнула правую дверцу, нависавшую над ее плечом. Однако тревожный окрик притормозил ее порыв, на излете которого она лишь выглянула за борт и перестала различать, где верх, где низ, при виде уходящего прямо из-под ног, почти вертикального откоса в добрую сотню аршин высотой, упиравшегося в неровный строй сосен-спичек. Она отпрянула, увидев перед собой в боковом зеркале почти неузнаваемое бескровное лицо – блее креп-жоржета в мелкий цветочек, из которого было сшито ее платье.

Не ощущая тела, она сползла по покосившемуся сиденью и выбралась из машины, избегая поданной ей руки – возможно, чтобы не выдать, как ее трясет. С обеих сторон визжали тормозами автомобили. На противоположной обочине остановился открытый автобус-шарабан с торчащими над бортами раструбами граммофонов, и из него высыпала шумная толпа пасса-

жиров-курортников, отправившихся в горы на пикник с шашлыками, игрой в фанты и менее скромными развлечениями и неожиданно получивших дополнительное зрелище, не входившее в программу. Подкатил и Тарас, с перепуганной физиономией выскочив из своего фордика.

– Елизавета Дмитриевна, Елизавета Дмитриевна! – вопил он в панике. – Вы живы?!

Его голос, так же как все прочие звуки и движения, Лиза лишь смутно воспринимала сквозь окутавшую ее пелену тумана. Сомнамбулически переставляя ноги, она доковыляла до дорожного ограждения и пристроилась на нем. Ее обоняние резанул запах духов – какая-то дама поднесла к ее лицу платок, на который вылила полфлакона брокаровского «Букета императрицы». Вокруг Лизы суетился Тарас – то принимаясь обмахивать ее, то встревоженно заглядывая ей в лицо и все время приговаривая: «Елизавета Дмитриевна, вас в больницу надо! В лице ни кровинки! Разойдитесь, господа, разойдитесь – даме плохо...»

На Левандовского набросился шофер полуторки – молодой парень, яростно тискавший и мнявший в руках засаленную кепку.

– Вы бы, сударь, сперва проспались, прежде чем за руль садиться! – орал он, не разбирая выражений. – А то ишь, налил zenки и поехал с барышней кататься! – И он хотел прибавить что-то менее цензурное, но Левандовский прервал его:

– Потихе, приятель. Давай-ка глянем, что с машиной случилось...

С этими словами он перемахнул через ограждение и чуть спустился по склону, оказавшись под автомобилем. К чему-то притронулся, что-то пощупал, нахмурился и, присвистнув, негромко произнес:

– Такие вот дела... – Затем обратился к своей спутнице: – Лиза, хотите посмотреть?

Она, начиная догадываться, что не лихачество водителя было виной аварии, но все еще лелея в себе испуг и негодование, нехотя нагнулась, чтобы заглянуть под брюхо «мерседесу», ничего не увидела, и тогда вслед за Левандовским сделала несколько шагов вниз по сыпучему откосу, оказавшемуся не таким уж крутым. Летчик подстраховывал ее, держа запачканной рукой за ладонь, которую Лиза на этот раз не пыталась отнять. Не так уж она была безнадежна в технике: тесное общение с Бобой, с юных лет азартно копавшимся в моторах и при всяком случае пытавшимся силой приобщить к этому занятию и сестру, не совсем прошло даром, и все же сейчас она едва понимала, на что Левандовский указывает в разверстом автомобильном нутре, полном механических кишок, еще дышавших бензиновым жаром: какие-то железки, провода, рычаги... Все грязное, покрытое пылью пополам с маслом.

– Вот в чем дело, – объяснил Левандовский, прикасаясь пальцем к свежему излому на свободно болтавшейся стальной штанге. – Это рулевая тяга. Очевидно, когда колесо попало в выбоину, она переломилась. И знаете почему? Потому что была подпилена!

– Подпилена? – переспросила Лиза, упрямо не улавливая в его словах скрытого смысла. – Кто же ее вам подпилит?

– Кто – не знаю, а где это случилось – догадываюсь. Подпилить ее могли в одном-единственном месте – в гараже у Мустафы.

– Но зачем?! – воскликнула Лиза, возмущенная не то коварством татарина, не то нелепостью этого обвинения, и, пытаясь найти в происходящем логику, предположила: – Может, он националист и ненавидит русских? А ведь как елей источал, когда машину возвращал! Или его Жорж подкупил?

– Разве ваш Жорж похож на человека, способного кого-то подкупить? Нет, дело не в нем, а в ком – я выясню, но за одно могу ручаться: наш Мустафа после таких шуточек еще пожалеет, что на свет родился, – я уж об этом позабочусь!

Глава 6

Тарас уже тянулся к Лизе, желая поскорее вытащить ее наверх.

– Едемте, Лизавета Дмитриевна! – торопил он. – Подымайтесь, пожалуйста, поспешать надо!

Продолжая суетиться, лебезить и рассыпаться перед ней мелким бесом, он настойчиво увлекал Лизу к «форду», цепко, но осторожно ухватившись за ее мизинец, словно за сокровище неслыханной ценности.

Про Левандовского он как будто забыл, очевидно полагая, что тот останется при побитой машине. Но летчик сам напомнил о себе.

– Не так быстро, любезный! – одернул он Тараса. – Сыскное отделение отменяется, едем в Симеиз!

– Но как же так, ваше благородие... – уперся Ковбасюк. – Мне велено госпожу Тургеневу срочно доставить в Ялту! У нас труп на руках, следствие стоит! И не могу я казенное авто туда-сюда гонять – с меня потом за это строжайше взыщется...

– Странно... – процедил Левандовский. – Труп в Симеизе, а следствие в Ялте ведется... Удобно устроились, господа полицейские! Короче, милейший, либо вы нас отвозите, либо мы сами доберемся, но в Ялте нас тогда пусть не ждут!

Тарас, по-прежнему скуля и причитая, взгромоздился на шоферское место, в три приема развернул свою машину на узком шоссе и погнал обратно в Симеиз. Лизе, не вполне еще опомнившейся после аварии, казалось, что никогда в жизни она не чувствовала себя так странно – словно у нее внезапно истончилась кожа, сделав нервы уязвимыми для малейших воздействий. Все вызывало у нее раздражение, все формы, которые принимал мир, воспринимались преувеличенно резко и остро, как что-то непривычное и неизведанное. Она с особенной отчетливостью ощущала, как темно и неуютно в тесном салоне фордика после открытого родстера, как неприятно бьет в лицо поток воздуха из-под нижней кромки приподнятого ветрового стекла, как сильно трясет машину на ухабах. Вместо благородного мерседесовского рычания мотор его хрипло тархтел, немолодое авто на ходу скрипело кузовом и рессорами, хотя по дороге мчалось резво. На виражах машину сильно кренило; Лиза, не в силах удержаться на кожаной подушке, всякий раз съезжала, прижимаясь к летчику, и тут же спешила отодвинуться, отталкиваемая исходившими из него флюидами отчужденности. Все окружающее казалось ей каким-то ненастоящим, эфемерным, сделанным из песка: тронь чуть посильнее – и развалится, обратится в кучку мелкого праха. И потому, не зная, как еще выразить свою тревогу словами, она воскликнула:

– Не гоните вы так! Сами же говорили – вам голову снимут! Еще одну аварию захотели?

– Нам-то, Елизавета Дмитриевна, никто тягу не подпиливал! – отвечал Тарас, злобно дергая изогнутый рычаг передач, словно пытался вырвать его из пола. – А такого, чтоб в пропасть улететь, со мной еще не бывало!

– Так, значит, вы все слышали! – упрекнула его Лиза. – И не хотели в Симеиз ехать! Помощник следственного пристава, называется! Помогли бы это дело раскрыть, повышение бы заработали!

– У нас не театр, – огрызнулся Тарас, – мы не актеры, нам самодеятельность ни к чему!

– Поосторожнее об актерах, милейший! – одернул его Левандовский. – Не забывайте, кого везете!

– Нижайше прошу у господ прощения! – заныл Тарас. – С них-то какой спрос, а мы люди маленькие, за нас никто не заступится, когда будут драть шкуру за неисполненный приказ... Ну что ж, подведут нас под монастырь, такая уж, значит, наша планίδα...

Лиза сама была не рада, что затеяла этот разговор. Ковбасюк, не собираясь умолкать, бубнил про обиды и несправедливости, словно был самым разнесчастным и угнетаемым человеком на свете, и не закрывал рта до тех пор, пока свернувшая на Симеиз дорога не превратилась в улицу, вдоль которой тянулись беленые домишки татарского предместья, сохранявшего трущобный облик: сюда модный курорт загнал коренных обитателей, низведенных до роли обслуги.

– Вот он, гараж Мустафы! – воскликнула Лиза. – Тормозите, что же вы?!

– Не останавливайся, любезный, – велел Левандовский. – Сперва отвезем Елизавету Дмитриевну домой, а потом с тобой сюда вернемся.

– Ну уж нет! – возразила Лиза. – Я домой не поеду, а пойду с вами к Мустафе, загляну в его честные глаза!

– Елизавета Дмитриевна, я бы все же предпочел...

Она отрезала:

– Для вас – Лиза, и мне неинтересно, что бы вы предпочли! Я вместе с вами чуть к праотцам не отправилась и теперь в стороне не останусь! Тормозите, тормозите! – снова приказала она.

Левандовский не стал больше спорить. Тарас, послушавшись Лизу, остановил машину и дал задний ход, высадив пассажиров прямо на заляпанный темными маслянистыми пятнами цементный порожек у широченных ворот под вывеской, написанной буквами с аляповатыми завитушками, видимо призванными изображать арабскую вязь: «Гараж Искандарова. Слесарные, кузовные работы. Мелкий ремонт. Починка шин». Ворота, впрочем, оказались закрыты, и, сколько Левандовский ни молотил в них, никто не отзывался.

– Виданное ли дело, – промолвил Левандовский, – в такой час – и закрыто... Как пить дать, наш приятель в бега пустился!

Где-то совсем рядом, за глухими дувалами и черепичными крышами разморенную тишину вспорол, взревев корабельной сиреной, протяжный клич муэдзина из ближайшей мечети: «Ан ля иляха илля Ллаху...» – и на громаду Яйлы, на желтеющие пригорки у ее подножия и на высаженные вдоль дороги пирамидальные тополя сразу же наползла тень Азии.

– Может, он в мечеть пошел? – предположила Лиза, сама не слишком в это веря: над закрытыми воротами витал дух глухого безлюдья, словно в последний раз их открывали еще при Девлет-Гирее.

– Сейчас проверим... – сказал Левандовский, направившись по узкому проулку в соседний дворик.

Мелькнула вдали тонкая женская фигурка, чуть ли не с головой закутанная в покрывало, и скрылась. Навстречу чужакам выскочила злобная собака, напугав Лизу, но Левандовский так цыкнул на псину, что та убралась, поджавши хвост.

– Где Мустафа? Почему у него закрыто? – спросил летчик у показавшейся в окне пожилой татарки.

– Шайтан его знает, Мустафу... – чуть нараспев отозвалась женщина, в глазах которой отражалось восточное безвременье. – С утра здесь был. Потом все запер и уехал. Сказал – в Ялту...

– А племянник его, Ахметка?

– У моря шляется, где ж ему быть, Ахметке... Там ищите.

Получив этот ответ, Лиза со спутником вернулись на шоссе, и здесь их ожидал сюрприз: перед воротами гаража было пусто. Тарас и его «форд» исчезли, и ничто не указывало на их недавнее присутствие.

– Ну и фрукт этот Ковбасюк! – проговорил Левандовский. – Того и гляди, еще окажется, что все они из одной шайки! Ну как, Лиза, вы еще намерены участвовать в расследовании?

– До моря как-нибудь дойду, не беспокойтесь! – заявила Лиза.

На берегу задувал свежий ветер. Он нагнал прибой, теребил синие ленточки на детских матросках и рвал с барышень легкие цветастые сарафанчики. пляж превратился в пеструю мозаику из купальников, зонтиков, полотенец, мячей и перевозданного бесстыдства оголенности. Это суетливое мельтешение заставило Лизу вспомнить теорию академика Ошпарина, частенько заходившего в гости к ее дяде и утверждавшего, что жизнь на планете самозародилась из доисторического бульона – и, наверное, вылезла на берег из такой же бурлящей пены, как и та, что покрывала сейчас сплошным слоем прибрежные камни. В детские крики контрапунктом вторгался глухой рев волн, хватавших за пятки визжащих купальщиц. Море перемигивалось мириадами сверкающих глаз, словно фантастические саламандры, поднявшись из пучины, подавали людям тревожные сигналы.

Вдоль набережной фотографии расставили ящики на треногах и несуразные холсты с прорезанными дырками для голов. Рукописные плакаты заманивали на рыбалку обещаниями невиданных уловов кефали, бычка, ставриды и чуть ли не белуги, и тут же другие объявления приглашали на незабываемые, романтические прогулки по морю под парусом. Попадались военные моряки с золотыми нашивками на обшлагах, узнавали Левандовского, козыряли летчику и пытались угадать, кто его спутница, всматриваясь в лицо Лизы, закрытое темными очками. Дамы же с завистью поглядывали на Лизины ноги в нейлоновых чулках – модной новинке, которую только в Америке и можно было добыть.

Не так-то просто было кого-нибудь отыскать среди кипения пляжной жизни, являвшей взору любые людские типажи и все виды отношений между ними. Внимание цепляли то размесившиеся с шахматной доской на скамейке двое выползших к морю старцев, сопровождавших рейды тяжелых фигур, прорывы укрепленных линий и отчаянные контрудары колкими репликами: «...Решили шотландский гамбит играть? Смело, батенька, смело! Только зачем же туру зевнули? Нет, не выйдет из вас Капабланки, Никодим Терентьич...», то нашедшая пристанище у воды громогласная мужская компания, состоявшая из тех, кого принято было называть «новыми россиянами». Явно не первая бутылка «Ай-Даниля», пущенная по кругу, помогла им весело проводить время; до Лизы долетали обрывки замшелых анекдотов, тонущие во взрывах хохота: «...это не саквояж, это кошелек...» А чуть поодаль загорелый красавец, по виду – инженер или архитектор, усиленно флиртовал с длинноногой дамочкой, бросавшей на него такие чувственные взгляды, что каждому было ясно: что бы тот ни сказал или сделал, мысленно она ему уже отдалась.

Лиза и сама знала толк в этой старой как мир игре, не раз позволяя кавалерам шептать себе на ухо заманчивые слова и не возражая, когда мужская рука обнимала ее чуть крепче, чем было допустимо, или ложилась на ту часть тела, к которой благовоспитанная барышня ни за что не разрешила бы прикоснуться, а затем небрежным, но рассчитанным движением отстраняясь, оставаясь, однако, в пределах досягаемости и легким поворотом плеч, загадочной полуулыбкой, едва слышным вздохом поощряя к продолжению. А вот, надо же, приходится куда-то бежать, кого-то разыскивать, волноваться, занимаясь тем, во что она никогда бы не ввязалась по доброй воле...

Туман над морем совсем рассеялся, а корабли, прекратив стрельбы, подошли ближе к берегу, и многие разглядывали их в бинокли, хотя приземистые силуэты со множеством надстроек и труб, волочивших за собой дымные шлейфы, и так были хорошо видны на горизонте.

– Вот видите, – сказала Лиза, – и на Ай-Петри ехать незачем...

– Ваша правда, – кивнул Левандовский. – Вон она, «Свободная Россия» – с изогнутой трубой. Это она вас своими залпами утром напугала.

– И как вы только их различаете?

– Ну, это не сложнее, чем отличить элерон от триммера, – усмехнулся Левандовский. – А вон тот, – указал он на серый корабль, вытянувшийся тонкой длинной линией, – крейсер

«Слава». Только-только вступил в строй. Его командир – Ростислав Барсов, сын великого князя Михаила.

– Так называемый наследник престола? – переспросила Лиза. – А я была уверена, что все Романовы в эмиграции!

– У него даже на фамилию Романов нет права, – объяснил Левандовский. – Он же рожден в морганатическом браке.

– И как ему только крейсер доверили? – рассеянно покачала головой Лиза. – Смотрите, а это не Ахметка ли? – воскликнула она, указав на смуглого мальчугана, промчавшегося в сторону Дивы, с вершины которой на потеху отдыхающим ныряли ласточкой местные ребята. Зрители на верхушке скалы награждали самые удачные прыжки рукоплесканиями, а то и мелкими подачками, и это заставляло мальчишек рисковать жизнью, невзирая на полицейский запрет.

– Ну-ка, ну-ка... – прищурился Левандовский ему вслед. – И вправду, похоже, он! Что ж, пойдем побеседуем...

У подножия Дивы, около лестницы с хлипкими железными перилами, ведущей на скалу, бойкая цветущая девица – явная столичная штучка – во весь голос осведомлялась, шокируя чинных курортников: «А там хорошо целоваться?» Ее кавалер, приличного вида юноша, лишь смущенно улыбался, а на его еще не тронутое загаром лицо со светлым пушком на щеках напал застенчивый румянец. Обогнув парочку, Лиза с Левандовским присоединились к празднующейся публике, гуськом поднимавшейся на вершину.

– Вон он, наш драгоценный друг. – Левандовский указал на стайку парнишек, которые кучковались ниже парапета на шершавой кромке скалы, словно и не подозревая о головокружительной высоте у себя под ногами.

Лиза подумала о том, что извлечь Ахметку с этого карниза будет непросто – по крайней мере, сама она лезть туда не собиралась. Впрочем, татарчонок пробыл там недолго. Он сделал короткий разбег, на миг завис над пучиной, но воздух не выдержал его веса, и мальчишка ухнул вниз. Пронзив телом воду, выбросившую тучу брызг, он саженками поплыл к пирсу. Левандовский, проводив его взглядом, неожиданно сказал:

– А не нырнуть ли и мне по старой памяти?

– Евгений, вы с ума сошли! Вы что, всерьез?!

– Конечно, – беспечно ответил Левандовский, расстегивая пуговицы кителя. – Вы, Лиза, не беспокойтесь. Мы люди привычные. Я же сам из Коктебеля родом, а там у нас на Карадаге скалы и повыше будут.

– Все равно не вздумайте этого делать! Я вас не пущу! – заявила она и пригрозила: – Если вы прыгнете, мы с вами поссоримся, и теперь уже насовсем!

– Лиза, не будьте эгоисткой! – хитро улыбнулся Левандовский. – Вы утром искупались, а теперь моя очередь! Вот, подержите-ка. – И он отдал совершенно сбитой с толку Лизе свой китель.

И публика, и мальчишки наблюдали за этим спектаклем с недоуменным интересом. Вскоре Левандовский остался в одних трусах и, выдав одному из ребят монетку, приказал:

– Хватай мои вещи и тащи на пляж к кабинкам.

– Евгений! – в последний раз попыталась остановить его Лиза.

– Теперь уже поздно, – ответил он. – Что люди скажут?

Больше не слушая возражений, он переступил за парапет, шагнул к краю скалы, оттолкнулся от него и взлетел, раскинув руки. Лиза следила за его прыжком, зажав рот, чтобы не закричать от ужаса. Когда Левандовский был уже у самой воды, она не совладала с собой, отвернулась, услышала громовой всплеск, а вслед за тем – аплодисменты и восторженные крики. Вновь обратив взгляд на море, она увидела среди танцующих волн яростный пенный

котел, из которого вынырнул летчик, мощным кролем устремившись вдогонку за Ахметкой. Неподалеку от причала он обогнал мальчишку, первым взобрался на железную лесенку и подал Ахметке руку, одним рывком вытащив его из воды.

Лиза, вздохнувшая с облегчением, но вместе с тем растерянная, разозленная, брошенная в одиночестве, двинулась вниз, еще не зная, что делать – то ли догнать Левандовского и хорошенько его отчитать, то ли направиться напрямик домой.

Разрываясь между этими желаниями, она машинально следовала за шуплым пареньком, которому летчик доверил одежду. Поручение мальчишка выполнял небрежно – брюки едва не волочились по земле, китель, побывавший в его руках, вероятно, потребовал бы утюга. На глазах у Лизы из кармана кителя выпало что-то мелкое и круглое, ударилось о голыш, отскочило, поплясало немного на ободке и закончило движение у самых Лизиних ног.

Лиза, повинувшись не то любопытству, не то хорошему воспитанию, нагнулась и стала обладательницей пуговицы с обрывками ниток, застрявшими в дырочках. Что-то важное было связано то ли с пуговицами, то ли с их отсутствием... Лиза присмотрелась к неожиданной находке – и вздрогнула, охваченная ознобом, налетевшим на нее среди жаркого крымского дня.

Костюм от Ворты, загадочный Бондаренко! Пуговица, несомненно, была та самая, оторванная от костюма, с выдавленной в ней позолоченной буквой «дубль-вэ». Но как она попала к Левандовскому?! В памяти всплыло зрелище, как летчик наклоняется возле трупа Костанжогло, что-то подбирает – а она еще разозлилась на него за то, что он не поднял ни одну из ее вещей... Но почему он утаил свой трофей? Все из того же стремления не втягивать ее в криминальную историю? Или просто не придавал находке значения? И это объяснимо – он-то не видел Бондаренко с его ущербным костюмом, а то, конечно, мигом бы сообразил, что к чему! Возможно, свою роль сыграли съемки у Тичкока, но Лизе сразу же пришло в голову: это Бондаренко убил несчастного репортера и, быть может, именно холодеющая рука Костанжогло в последних конвульсиях оторвала пуговицу с его костюма.

А что потом? Допустим, Бондаренко не успел далеко уйти или вернулся за оторванной пуговицей и был вынужден прятаться в кустах, в бессильной ярости наблюдая, как Левандовский находит улику, а затем поспешил подстроить аварию – пробрался в гараж к Мустафе и подпилит тягу или же подкупил татарина. Проверить эту гипотезу было нетрудно – достаточно лишь спросить Левандовского, где он добыл пуговицу. Заодно и просветить его о том, кто и зачем пытался спровадить его на тот свет.

К счастью, Левандовского не нужно было искать – они с Ахметкой сидели на пирсе, болтая ногами, о чем-то вполне дружески беседовали и вроде бы никуда не торопились.

Поднявшись с пляжа на набережную, Лиза повернула было в их сторону, но это намерение пресек раздавшийся над самым ухом негромкий голос, окликнувший ее по имени:

– Госпожа Тургенева! Елизавета Дмитриевна...

Глава 7

Подумав, что опять на ее голову принесло какого-то репортера, Лиза неприязненно обернулась. Однако стоявший у нее за спиной молодой человек ничуть не походил на газетчика – не было у него ни камеры, ни блокнота с карандашом, а главное, в его манерах напрочь отсутствовала характерная подхалимская развязность, на которую у Лизы давно был наметан глаз. Кое-что во внешности незнакомца – френч полувоенного покроя с пришпиленным к нему непременным значком с президентом, оловянный блеск глаз за стеклами пенсне – указывало на его принадлежность к железным людям новой формации, которых что-то много развелось в последнее время, особенно после начала войны, и даже в веявшем вокруг него аромате вежести чудился какой-то металлический оттенок.

Как и положено железному человеку, он резким движением вскинул к плечу правую руку с раскрытой ладонью – «Слава Врангелю!» – и после этого быстро входившего в моду приветствия сказал:

– Как удачно, что я вас встретил! Позвольте представиться – Алексей Холмский, следственный пристав ялтинского сыскного отделения. – Он склонил голову, показав Лизе ровный пробор в волосах, и даже, кажется, чуть прищелкнул каблуками.

– Вот как? – Лиза отступила от него на шаг. – Следственный пристав! Сами, значит, меня нашли! А зачем же тогда машину посылали?

– Прошу прощения, какую машину? – удивился тот.

– Очень мило! От вас или не от вас мне звонили сегодня утром и приглашали в сыскное отделение?

– Уверяю вас, Елизавета Дмитриевна, если вам кто и звонил, то я тут ни при чем! Да и не мог я вам звонить, я неотлучно здесь находился с тех пор, как нам сообщили о трупе Костанжогло!

– Что же выходит, этот Ковбасюк в самом деле был самозванцем?

– Ковбасюк? – Холмский явно ожидал чего-чего, но только не этого. – Так это он за вами приезжал?

– Ну да, – ответила Лиза, вмиг насторожившись. – Тарас Ковбасюк. Назвался помощником следственного пристава. А вы его, очевидно, знаете?

– Еще бы я не знал этого жулика! Простите, Елизавета Дмитриевна, а под каким, собственно, предлогом вас вызывали?

– Да все под тем же самым – из-за Костанжогло.

– Из-за Костанжогло... – проговорил следователь. – Так-так... Это уже интересно...

– Да кто он такой, этот Ковбасюк?! – не выдержала Лиза. – И если он не ваш человек, то чей?!

– И об этом мы с вами тоже поговорим. Но только не надо торчать здесь, у всех на виду. Давайте где-нибудь присядем – вон там хотя бы, – предложил Холмский, указав на соседнее летнее кафе с трепетавшими на ветру фестонами матерчатых зонтиков, украшенных рекламной надписью напитков «Крымская Бавария».

Надеясь, что хоть какие-то тайны сейчас раскроются, Лиза не стала возражать и двинулась следом за Холмским. Уже у входа в кафе она сообразила, что до сих пор сжимает в кулаке злополучную пуговицу. Что делать? Сдать ее следователю как явную улику? Ну уж нет! Ведь, если подумать, Бондаренко очень опасен, раз может без шума, без борьбы в момент свернуть человеку шею, но вдвойне он опасен из-за того, что вся полиция у него в кармане – в чем Лиза убедилась на собственном опыте. Отдав сейчас пуговицу Холмскому, она лишь подтвердит миф о том, что все бабы – дуры. Ведь никакая это не пуговица, это форменная бомба, раз этой ничтожной кругляшки с дырочками достаточно, чтобы ради нее пойти на убийство! И

кто знает, не отправится ли она из сыскного отделения прямиком к Бондаренко? Нет, сперва следует разобраться, что за гусь этот Холмский и что ему нужно, а уж затем решать, как быть с пуговицей. И ни в коем случае нельзя допустить, чтобы она попалась ему на глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.